

У каждого свой путь и берег

Андрей Смолин

Андрей Смолин

У каждого свой путь и берег

Книга критики

К 1374446

Вологда
1999

83 3 (2)

ББК 8Р2

С 6+5/

Андрей Петрович Смолин родился в Вологде в 1959-м году. Учился в Ленинградском университете, Вологодском пединституте. С 1983 года работал в редакции областной газеты "Вологодский комсомолец", около трех лет был редактором этой газеты.

Опубликовал многочисленные очерки, публицистические статьи, рассказы. Печатался в журнале "Север", в газете "Литературная Россия", в литературно-критических сборниках. В 1996-м году в Вологде вышла его первая книга критики - "Зачин".

Смолин А.П. - У каждого свой путь и берег: Книга критики. - Изд. 2-е. - Вологда, 1999.

Вторая книга вологодского критика Андрея Смолина включает в себя критико-литературные очерки о писателях-вологжанях, статьи, рецензии и обзоры, опубликованные в центральной и областной печати. Книга предназначена для широкого круга читателей.

© - А.П.Смолин, 1997г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Со стороны может показаться, что литературный процесс на Вологодчине в последние годы стал не очень заметен для читателя. Доля правды в этом есть. Прежде всего, книг стало выходить меньше. Особенно, массовыми тиражами. Но вопреки всему они появляются. А главное, что много книг уже написано. Они ждут своего часа...

Но вот парадокс. Книг вроде бы меньше, а сам литпроцесс стал многообразней, многолюдней. Именно в последние годы наконец-то оформилось, активно заявило о себе "среднее" поколение писателей-вологжан. В нем много талантливых прозаиков и стихотворцев, вступивших в пору творческой зрелости.

Со всей очевидностью встает проблема критического отзыва о творчестве писателей этого поколения. Наверное, в этом нуждается и читатель. Имен действительно много.

Эта книга в какой-то мере восполнит пробел критического осмысления литературного процесса на Вологодчине. Понятно, что всего многообразия произведений и имен она вместить не может. Скорее тут надо говорить о мозаике впечатлений критика. Отсюда - известная фрагментарность анализа произведений, довольно скудные сведения об авторах. Но это преднамеренный способ изложения. В одних случаях пришлось прибегнуть к небольшому критико-биографическому очерку, в других - показать работу писателей через обзор или рецензию.

Впрочем, лиха беда начало. Ко многим писателям, имена которых найдете в этой книге, будет возможность возвращаться не раз. Был бы повод! А поводом таким должны быть новые книги. И они, есть уверенность, обязательно будут!

ПАМЯТЬ ДУШИ (Вячеслав Белков)

Предполагается, что творческое развитие каждого писателя имеет свои закономерности. Наверное, это так. Но, читая подряд все книги Вячеслава Белкова, обнаруживаешь, что таких закономерностей в его творчестве не так и много. Он легко переходит от критики к прозе, от путевого очерка к хайку, от литературоведческих исследований к небольшому рассказу. Есть, впрочем, только видимость таких переходов. Все глубже, интересней, чем просматривается на первый взгляд.

1.

Но с чего начать? Тут есть трудности. А первая такая: где, собственно, начало Белкова, как писателя? Если считать таковым первые публикации в журналах, то почему сейчас, когда выходят книги, он почти ничего из тех публикаций в них не включает? Забыл про них? Не хочет вспоминать? Едва ли внятное объяснение придет с ходу. Тем более, что "критическое" начало Белкова можно ли назвать неудачным? В нем - добротные статьи о Ганине, Есенине, Белове, А.Романове, но чаще, конечно, о молодых русских писателях. Например, о Николае Коняеве или Борисе Кравченко. Надо полагать, эти имена оказались близки критику неслучайно. Мировиденье именно этих писателей было, вероятно, понятным, созвучным творческим поискам самого автора критических разборов.

Теперь-то очевидно, что начиная с критики, Вячеслав Белков не готовился к роли лишь обозревателя чужих успехов или неудач. Собственное творчество томило, требовало выхода. Но не обрело к тому времени тех очертаний, какие он себе обозначил, постигая азы литературного ремесла.

Как бы там не было, но первой книгой В.Белкова оказался сборник статей о творчестве Николая Рубцова. Называлась она - "Неодинокая звезда", а вышла в Москве, в 1989-м году. Замечательна она тем, что имела огромный, сейчас труднопредставяемый, тираж - 75 тысяч!

Автор предисловия к "Неодинокой звезде" Виктор Коротаев, думается, хорошо подметил достоинства книги: "...И к чести В.Белкова надо сказать, что он сумел насытить ее и неизвестными фактами, и своим, не засмытым пониманием "рубцовского феномена", и свежим восприятием давно известных страниц. Читать эту книгу следует столь же неторопливо, как она и писалась. Вернее, собиралась, наполнялась, выверялась и отстаивалась".

Тогда такая оценка казалась убедительной. Но зная теперь, что Белков напишет о Рубцове дальше, видишь, что его первая книга - это подступы к новым исследованиям. Так, "Путь поэта" - вроде конспекта будущего "Жизнеописания" из его третьей книги. А очерк "Орфей приходит к людям" - достаточно информативен, лишь моментальный снимок того явления, которое сам Рубцов обозначил одной строчкой: "...И буду жить в своем народе". Локальными, после книг Кожинова и Оботурова, вышедших к тому времени, понимаются и чисто литературные изыскания в статьях "Неодинокая звезда", "Помолчим - поговорим..." (Диалог в лирике Николая Рубцова).

Но первая книга, словно долгожданное дитя. Критический взгляд на нее ныне едва ли актуален. А вот о достоинствах сказать бы надо. Первое, несомненно, в том, что начинающий писатель проявил себя... очень смелым человеком. Действительно, после того, что уже было к тому времени опубликовано о Рубцове - сейчас поистине Монблан! - трудно, наверно, было даже представить, как подойти к этой теме. Во всяком случае, казалось, что все известно, объяснено, новые исследователи пойдут по протоптанному пути. То, что это не так, еще предстояло доказать.

Во-вторых, вероятно, могло показаться, что у тех писателей, которые были знакомы с Рубцовым при жизни, больше прав что ли, чтобы говорить о нем. Тут доля истины есть. Но ведь далеко не все обладают даром исследователя, чтобы кроме воспоминаний, иногда ценных, а иной раз совсем уж бесплодных, суметь воспроизвести частности жизни поэта по архивным данным, по свидетельствам очевидцев, по литературоведческому анализу творческого наследия. Правда факта оказывалась не столь очевидной, как предполагали иные создатели мемуаров или статей о Рубцове.

А первой своей книгой Вячеслав Белков дал знать, что и он намерен серьезно заниматься изучением поэзии и жизни Рубцова. Тайны в этом не было, но чьи-нибудь самолюбия вскипели, что, вероятно, вызывало кривотолки. Доказывать свое право заниматься такой работой нужно было так: неопровержимостью фактов публикаций, глубиной архивного поиска, точностью, профессионализмом литературного анализа. Для такой работы не только знания, навыки нужны, но и сила воли, светлый разум, самокритичность. Думается, писатель выдержал это испытание, что подтверждают отзывы не только читателей, но и специалистов.

Нет, нельзя сказать, что "Неодинокая звезда" вызвала полемику, сшибку мнений. Книга оказалась полснее читателю. В.Белков верно

уловил такое настроение. И попытался через Рубцова, через анализ его творчества поведать и о том, что его и самого волновало в то время.

Вот только небольшой штрих к сказанному. Так, размышляя над тем, как Рубцов относился к "братьям нашим меньшим", автор делает такие микровыводы из своего анализа творчества поэта: "...уважение к природе и понимание ее возможны только тогда, когда человек отказывается от своего эгоизма, от сиюминутной пользы, и думает о будущем". Или вот: "...Ведь они (животные у Рубцова - А.С.) почти приравнены к человеку, очеловечены (но не в традиционном смысле, на уровне внешнего образа, предметов быта и т.д., а на уровне нравственном!)". Очевидно, что такой взгляд может появиться у человека способного размышлять не только над книгой, но и всем, что его окружает. Таких точных мыслей уже в первой книге В.Белкова было много. Но как-то не терпится перейти, однако, ко второй книге писателя. Нас ждут неожиданности, каких после первого успеха автора предположить было нельзя.

2.

Самое время, видимо, сообщить некоторые факты из биографии Вячеслава Белкова. Она кажется вполне обычной, без крутых изгибов или потрясений. А родился будущий писатель в Вологде в 1952-м году, то есть через семь лет после великой Победы. "...Когда мне было три года, семья пересехала в большой южный город. Перед отъездом снялись на память в ДКЖ (Дворец культуры железнодорожников), там в одной из комнат тогда располагалась фотография. Это все было необычно для ребенка, и поэтому запомнилось... На юге наш город называли с ударением на последнем слог - Вологд^а, а меня еще дразнили этим словом. Было обидно и грустно.

Вернулись в Вологду через несколько лет. Теперь уверен, что вернулись от сильной тоски по родине. Все ведь предки мои от прапрадедов и до родителей вышли из деревень Вологодского уезда..." Стоп, стоп! Этак переписется сюда и вся "Повесть о Вологде".

Так вот, учился он в 8-й школе Вологды, поступил, видимо, под влиянием отца-фронтовика и старшего брата в военное училище... Но что-то поняв в своей душе, от карьеры военного отказался, ушел из училища, вернулся в родной город, где закончил пединститут. поработал в ОНМЦ, в газете "Вологодский комсомолец". В 81-м дебютировал в журнале "Север", что, похоже, можно считать началом литературной деятельности. Сейчас сидит дома, пишет книги, воспитывает детей... Вот и все, наверное.

Еще не так давно писатель без бурной, яркой биографии был редкостью. У кого-то было трудное детство, кто-то много странствовал, даже бродяжничал, кто-то сидел в тюрьме, отправлялся в ссылку, а Достоевского, например, даже выводили на казнь, что потрясло его до основ души... Считается, что если ничего не переживешь самолично, то потом нечего будет поведать читателю. А как быть, если не хочется быть фантазером, выдумщиком? Выход был найден такой: впечатлительная жизнь, архивные изыскания, факты из старых книг, пожелтевших газет - вот что стало основой прозы В.Белкова.

"Повесть о Вологде" вышла в 1991-м году. Сейчас еще рано предполагать, что будут говорить о том годе потомки. Пока же мнения слишком полярны. Одни убеждены, что тогда случилась катастрофа для будущего России, кто-то верит в ее возрождение, третьи вообще ни о чем не думают. Но главное, кажется, никто не может до конца поверить, что великая держава в мирное время, без видимых усилий извне, превратилась в груды обломков. Таких примеров еще поискать в истории!

И в такой год, в тихой Вологде, появляется лирическая повесть, автор которой как бы весь в прошлом времени, и не хочет замечать ничего, что творится вокруг. И даже если предположить, что книга пишется не один год, то все равно не сходится что-то. Буза, свистопляска в стране проявились раньше, чем она распалась. А писатель наперекор всему: "откроешь или развернешь где-нибудь, без всякой цели, карту страны и ... В первую очередь почему-то отыщешь глазами, чуть правее и выше синего пятна Рыбинского водохранилища, свой родной город - Вологду."

И так далее, и все тому подобное...

Но надо поискать причины, побудившие Вячеслава Белкова поведать о пережитом, о самом сокровенном. Тем более, в "минуты роковые" для своей страны. Сюжет повести настолько запутан, разорван на фрагменты, что автор, как можно понять, совсем не беспокоился о том, чтобы свести концы с концами. Да вовсе и не повесть перед нами. В том смысле, какое произведение принято определять в этот жанр. Отметим для себя далее, что "Повесть о Вологде" с большим трудом поддается стереотипному литературоведческому анализу. ибо полна того, что вообще анализу дается плохо - глубоких, искренних чувств, столь редких, как кажется, нынче. И главное из них (даже произнести боязно) - патриотизм. Что "произнести боязно" - сказано, конечно, с иронией. Не все ее, к сожалению, поймут, прочувствуют.

Как-то к месту вспомнился тут Василий Белов: "Обычно большие понятия ничего не выигрывают от частого употребления слов, выражающих их. И тогда мы либо стыдимся пользоваться такими словами,

либо ищем новые, еще не затасканные досужими языками и перьями. И обычно ничего не выходит из этой затеи. Потому что большим понятиям нет дела до словесной возни, они живут без нашего ведома, снова и снова питая смыслом и первоначальным значением слова, выражающие их. Да, лопаются, наверное, только ложные святости, требуя для себя все новых переименований...". Это писалось давно. Но, надо полагать, до сознания кой кого не дошло. Именно сейчас находятся люди, которым не нравится слово "патриотизм". Или духовность, например.

Наверное, и вы почувствовали, что мы тут коснулись грани тонкой, понятий дорогих, требующих осторожного обращения. Нет, Вячеслав Белков, по возможности, высоких слов старается не употреблять. Но что такое по нашему разумению, например, патриотизм? Это - любовь и гордость своим народом, привязанность к родному городу, знание истории и уважение к тем, кто достойно прожил жизнь. Все это есть в "Повести о Вологде", достаточно точно выражено в той неторопливой беседе, какую ведет писатель.

Поражает то, с какой мерой организован образный ряд повести. Сведения из частной жизни автора легко переплетаются с философскими размышлениями, лирические отступления вносят звуки, запахи ушедшей жизни. А факты истории легко дополняются рассказами о вологжане, которые в силу разных причин оказались забыты потомками. Но это не только проза, но и публицистика, что делает повесть очень современной.

Так вот оказывается какого впечатления добивался автор! Он понимал, что это произведение будут прежде всего читать те, кто за политическими баталиями времени, за смутой и отчаянием готов, как кажется, забыть самого себя, отрубить свои корни, оборвать пуповину духовного родства с близкими людьми, но и самой страной даже. Переубеждать тех, кто все для себя решил, видимо, нет смысла. Но остальные еще имеют время призадуматься о своем будущем...

Такие настроения писателя почувствовались не только в лирической повести, но и очерках "Одна поездка", "Надежда умирает трижды". Казалось бы что из того, что нам теперь известна истинная родина предков Николая Рубцова, что это была за семья, какие горечи и потери она вынесла в свое время? Все ушло, все в прошлом? Но через свои маленькие открытия Белков не только воссоздает частности семьи Рубцова, но через бытовые, микроскопические подробности показывает, что ничего случайного в этом мире нет, все взаимосвязано, что духовное поле поэзии Рубцова неотрывно от того, что пережила, страдала его семья, народ, вся страна.

Не так тут все просто, не так все однозначно. Да писатель и не склонен расставлять акценты. Внимательный читатель должен найти в этой книге мотивы и мысли, созвучные его умонастроению, своему духовному опыту. И таким образом углубит свое понимание жизни.

3.

Думается, мало кто знает, как надо писать биографии известных людей, ушедших от нас. Есть, правда, стереотип, навеянный могучей серией "Жизнь замечательных людей". Но судя по всему, чужая биография чаще интересна в сопоставлении с собственной жизнью. Нельзя дважды войти в одну воду, хотя, вероятно, чужая жизнь, если она удалась, способна вызвать серьезные размышления о духовной основе человека, заставить оглянуться на себя.

В третьей своей книге Вячеслав Белков попытался написать популярную биографию Рубцова. Почему попытался? Он ее написал. Но при этом, как представляется, опровергает устоявшиеся воззрения на то, какой такая биография быть должна. Все-таки это не биография, а "Жизнеописание". Был в старину такой жанр.

Поначалу "Жизнеописание" настораживает. Обилие дат, имен, событий способно вызвать тоску и раздражение. Автор и сам знает об этом, обмолвился как-то в "Повести о Вологде". Даже чужая биография - это не журнал для описи имущества. Даты ее без соотношения с датами истории страны, по-видимому, тоже останутся лишь цифрами на бумаге. Правда, автор надеется, что его читатели не беспамятные Иваны. Уж когда была коллективизация в России, что такое 37-й год, когда была великая Победа, а когда умер Сталин, что и когда понатворил убогий Хрущев - это-то должно воспроизводиться в сознание, как "Отче наш". Последнее, впрочем, тоже бы неплохо заучить, кто не знает.

Но вдруг читаем: "В школьные годы Коле очень нравилась Нина Алферьева. А первой юношеской его любовью была Татьяна Агафонова. Рубцов познакомился с ней в конце 51-го года, когда учился в лесотехникуме..." А вот еще, Рубцов пишет в автобиографии: "В 1940 г переехал с семьей в Вологду, где нас и застала война. Отец ушел на фронт и погиб в том же 1941 году...". Автор "Жизнеописания", однако, без всяких уточнений через несколько страниц вдруг сообщает: "вероятно, летом 1954 года, в каникулы, поэт побывал в Ташкенте, в Вологде (встречался с отцом, тетей, сестрой?) и других местах".

Внимательный читатель, вероятно, споткнется. Он может уловить некое несоответствие тому, что принято рассказывать об известных личностях. Вот тут-то и выясняется, что перед нами не просто биография Рубцова, а самая настоящая проза, где дата - почти символ, житей-

ская подробность - художественная деталь, нагруженная подтекстом, а события жизни Рубцова легко представляются сюжетом повести о целом поколении русских людей.

Тут понимаешь замысел автора "Жизнеописания", где в один ряд могут (и уже не вызывают возражения) - попасть такие, кажется, совсем не стыкующиеся события: "... После ряда взысканий поэт в конце июня отчислен из Литературного института. Уезжает в Николу, надеясь, что все утрясется и он снова будет учиться. Дочке Лене привез заводного цыпленка, нянчится с ней. Ходит за ягодами, пишет стихи." Тут фраза намеренно оборвана, чтобы почувствовались все контрасты, оттенки смысла.

Можно теперь утверждать, что "Жизнеописание" - первая, достаточно полная биография поэта. Но исключить того нельзя, что В.Белков снова даст лишь конспект будущей книги, где вместе с расширенной биографией Рубцова могут органично переплестись изыскания о духовном становлении его, характеристики различных периодов его творчества, уточнение текстов стихотворений и т.д. Но думается, что и в таком виде "Жизнеописание" уж будет необходимо всем, кто любит поэзию гениального (чего не все признают) стихотворца. Она будит чувства, расширяет познания, и заставляет через судьбу Рубцова услышать грозные раскаты эпохи, которая так сурово обошлась с поэтом...

4.

Нельзя не отметить того, что Вячеслав Белков, как очень немногие из писателей этого поколения, очень внимательно относится не только к содержанию своих произведений, но и форме их. В следующей книге его - (еще одна неожиданность) - обнаруживаются не только маленькие рассказы, но и стихи. Да не простая силлабо-тоника, а хайку. Кто-то может и поморщится, мол, зачем русскому писателю осваивать инородную поэзию. Тем более, такую специфическую, как японская. Но вчитайтесь!

*Мне выпало счастье
На картах. И шулер
Сидел далеко.*

Представляется, что именно хайку соответствует характеру формальных поисков Белкова. В нем есть неоднозначность образа, завидная краткость, достаточно сильный философский подтекст. А давно отмечено, что литераторы, даже пробующие сочинять стихи, обращаясь к прозе, более точны в своей лексике, лучше используют много-

значность слова. В.Белков ничего не делает для того, чтобы действительно чужеродная манера стиха привилась на русской почве. Но кто может ему отказать в праве попробовать показать возможности формы, имеющей древние традиции?

*Нашей слабостью,
Будто достоинством,
Мы защитимся.*

Еще интересней увидеть наработанное в хайку, когда писатель обращается к прозе. Он предупреждает, что не является рассказчиком в обычном смысле, "...меня совершенно не волнуют сюжеты. И еще - я не люблю шлифовать фразу. Мне кажется, что, шлифуя, мы хоть и делаем ее лучше, но теряем при этом какую-то долю естественности, жизни".

Что это за проза? Небольшие по объему рассказы, где только на первый взгляд ничего особенного не происходит. За всем этим видится желание не удивить, не поразить читателя чем-то ирреальным, фантастическим, а заставить его обратить внимание на жизнь вокруг, где много нелепости, просто глупости, но бывают моменты просветления души, всплески разума, есть искренность и доброта.

В.Белков пока особенно тяготеет к миниатюре, почти стихотворению в прозе. Видимо, это идет от сверхзадачи найти в маленьком кусочке жизни что-то типичное, обобщающее. Удастся ли ему это? Чаще да, чем нет. А достигается умением отбирать из фактов жизни те, которые бы могли стать моделью поэтического воплощения, но не были замечены поэтами. Как все это оценить? Может показаться, что Белков занимается чисто формальными изысканиями новых возможностей прозы. И это есть, но не самое главное. Его больше интересует эффект восприятия литературы современным читателем, у которого совсем мало времени, чтобы по-настоящему окунуться в стихию литературы. И как "зацепить" такого читателя? Надо ли вообще думать над этим? Можно ли пройти мимо таких вопросов сегодня, в новой реальности литературного бытования?

Представляется, что писатель своими маленькими рассказами невольно спорит с образчиками прозы, где много описательности, мало действия, где не обращают внимания на современность, создавая произведения вне времени, вне конкретики жизни. Белков не хочет мириться с тем, что из русской прозы уходят ее лучшие качества, где вымысел был часто более реален, чем сама жизнь. Его скрытая полемика идет сразу по нескольким направлениям - и по форме, и содержанию, и

по философскому осмыслению жизни. Он может предложить свои рецепты современной прозы, хотя и не будет настаивать на всеобщности своих открытий. Но и поспорить хочется, а что тут плохого?

Впрочем, споры читателей заинтересовать не могут. Им нужен результат! А он есть, только хочется приоткрыть его основные положения. Но тут лучше читать прозу не только Вячеслава Белкова, но и многих его современников. Тут только начать ...

СЛОВНО ТАЙНА СОКРЫТА (Владислав Кокорин)

Говорят, он чем-то походит на Гоголя. И верно, тень великого писателя витает над ним. Кстати, Кокорин относится к Николаю Васильевичу очень трепетно, глубоко. Признаёт, чего исключить нельзя, за духовного наставника. Но еще больше их сближает тайна. Загадал ее Гоголь на веки вечные: что ты такое, Русь-Россия, кто тебя выдумал, куда ты несешься? А наш современник, как многие-многие, пытается эту тайну отгадать...

Первая книжка Владислава Кокорина вышла в Москве. Из пяти авторов, затиснутых по воле издателей под одну обложку, он выделяется отчетливо, словно старший над младшим. Не зря поэт Юрий Леднев отмечал тогда: "...почти все, написанное им, наполнено такой современной свежестью, что классическая форма, счастливо служившая многим поколениям поэтов, и в его руках удивительно уместна. Есть еще одна особенность в поэзии Владислава. Крылатость чувства здесь сочетается с прозорливостью мысли".

Удачное сочетание мысли и чувства, конечно, в поэзии не является редкостью. Другое дело, куда оно направлено? Тут спектр мироотношения может быть разительно широк. От ухода в созерцание своего величия до искреннего переживания за судьбу Отечества, а может быть, и всего человечества в целом. Здесь нет ложного "глобализма". Мир на земле стал очень хрупок, жизнь всех и каждого может зависеть от воли проходимца или сознательного террориста. В.Кокорин это отчетливо понимает, не избегая самых острых вопросов бытия.

*Черен снег.
Что вам нужно господа урбанисты?!
Вы земле возвратили не семя от плода ее, -
Под бетонной коростой,
в запаянных тайных канистрах,
Для потомков созреет
достойное предков "сырье"...*

Может показаться, что такие стихи у Кокорина лишь случайность, моментальный отклик на трагедию Чернобыля. А она, похоже, забывается в общественном сознании быстрее, чем писались эти строки. Человечество оказалось большим оптимистом, чем можно было это предполагать. И поэт это настроение уловил точно. Его-то совесть уже

не даст ему спать спокойно. И другим тоже: "...Вас бы, ядерноголовые, в том бы Чернобыле испечь!". Может быть сказано резко. Но как докричаться, если слышать не хотят? И какое бремя взваливает на себя поэт!

Но откуда это в нем? Может быть, заложено генетически от предков? А родился Владислав Кокорин в красивой деревне Шера, что стоит почти на самом берегу озера Кубенское. Случилось это в 1955-м году. Он довольно рано покинул родные места, впитав, конечно, в себя дух русской сельщины. Но учился в 28-м ПТУ Вологды, долгое время трудился на ПЗ-23, закончил литературный институт в Москве, работал литсотрудником в редакциях газет Вологодчины... Выпустил две книжки стихов, где предстал поэтом уже сложившимся, со своими темами, образами.

Поэт Александр Романов так писал о нем: "Вологда знала и знает много хороших поэтов, но в такого ироничного, как Владислав Кокорин, вглядывается впервые. По слову своему он родственен Николаю Рубцову и Сергею Чухину, но уже более городской, пролетарский, чем они..." Последнее, пожалуй, не совсем точно. Мотивы "урбанизированного" сознания, образа жизни, конечно встречаются в стихах Кокорина. Но в отличие от истинного "пролетария" - а что это такое сейчас, толком не знает никто, которому терять-то, вроде, нечего, - у Кокорина все-таки обнажены родовые корни, чего он забывать и не собирается.

Он вообще един в нескольких лицах. Вот где тень Гоголя может проявиться отчетливо. То он задирист, возбужден, как после уличной драки. То - степенен, раздумчив, как глава семейства. То вдруг предстанет глубоким лириком, то заядлым "иронистом" или записным сатириком... Это тем более удивительно, что опубликовано Кокориным не так уж и много. Тогда и заметное разнообразие образного ряда тем более ощутимо. Но где его лицо истинное, а где лишь маска? Тут, пожалуй, ошибиться нельзя. В этом ответе - суть его позиции.

Так вот, истинная удача приходит к поэту тогда, когда он предстает в первозданной чистоте русского человека, любящего свое Отечество искренне и постоянно, вне зависимости от политической конъюнктуры. Тут его взгляд историчен, уверенно проходит сквозь века, но история дает почву для понимания современного состояния русского общества. Его сознание лишено "параллелизма", тогда линия истории и линия современности не совпадают. Тут скорее цепь, которую порвать нельзя.

Вот зачин одного из лучших стихотворений поэта:

*Нелегка ты, родная стезя,
Коли пепел летит на шеломы.
Коли кинули грады князья,
И холопы покинули дома...*

Ощутимо чувство тревоги, а потом и скорби по погибшим Добрыням, Ильям, Поповичам, которым выпало отстаивать честь родины на Куликовском поле. Кажется, что поражение близко, воронье уже нацеливается выклевать славянские очи. Наверное, очевидец сражения на этом бы и остановился. Помощи ждать не откуда. Но у нашего современника виденье иное. Он переносится во времени, сам становится участником битвы: "Вот я вижу Мамаеву конницу, И сермяжное воинство вижу..." Все, помощь пришла, победа будет за "сермяжным воинством".

*Мы идем в поредевших рядах,
Все теснее смыкаясь плечами,
С заклинанием на устах:
Нас не высечь кривыми мечами!*

Еще не совсем очевидно, что победа будет достигнута. Но есть воля к ней, есть твердое желание быть участником битвы. Тут нельзя в стороне остаться, надо определиться в своем выборе.

А сам он знает? Вот, еще один вопрос. Что скрывается за его иронией, которая у другого была бы похожа на отрицание преемственности поколений, этакий духовный нигилизм, свойственный многим его сверстникам? Правда, в отличие от эстрадных сатириков, у Кокорина больше самоиронии, даже самобичевания, что бывает плодотворно лишь в сопоставлении с ценностями истинными, духовно определенными.

*Надел все белое, как белая ворона,
Пошел гулять к себе в микрорайон,
Своим бездельем умиротворен,
И в то же время, как бы обворован...*

Поэт ведет монолог не от своего имени, а некоего типчика-трудяги, которых хватает в промышленных городах. У него к тридцати годам уже "пузцо", квартира, дача, зарплата, а предел мечтаний - собственная автомашинка. Словом, стандартный набор "желаний" в этой жизни. "Как бы обворован", конечно, преувеличение. Может, он никогда и не поймет, что обворован не материально, то есть у него как бы

ничего не пропало. кроме жизни, разумеется. Все уже позади, глубоких, искренних чувств нет, слово "любовь" произносится в идиоме со словом "собачья", "голубой" экран давно сформировал мировоззрение, то есть полное отсутствие оного. Вот такой тип, действительно, у Кокорина вызывает саркастический смех до голиков. Он его нисколько не жалеет.

Ироничность Кокорина оказывается по сути формой полемики. Он видит, что традиционные ценности размываются, оставляя в душах идейный хлам и опустошенность сознания. И тут он активно предлагает совсем другие реликвии. которые ему самому очень дороги.

У В.Кокорина есть уверенность в том, что русское сердце обязано видеть всю красоту родной земли, ценить творения рук человеческих, понять величие исторического наследия, глубоко вникнуть в предания "старины глубокой", запомнить песни своего народа. Вот что должно стать основой духовного состояния человека. Не в такие ли минуты и рождались эти прекрасные строки:

*В Тотьму идешь, в гору идешь.
Из Тотьмы - летишь с горы!
А город хорош, чертовски хорош,
В разгар весенней поры...*

Представляется, что Тотьма в данном случае не просто точка на карте, не только один из старейших городов России, сохранивший своеобразие, даже остатки культуры и старинного бытия, а скорее символический знак памяти, одно из звеньев цепи разных времен. Весенний город весь в сирени, которую взрастили предки. "Вечное древо-дурман" - называет ее поэт. Ему жаль покидать Тотьму, но гудок пархода уже зовет...

*Ах, ты, сиреневый, Город-Тотьма,
Не ведаешь где стоишь.
Сума не страшна, не страшна и тюрьма,
Когда на тебя поглядишь!*

Вот какова истинная "память сердца" поэта. Мы уходим, но красота остается. Она способствует духовному прозрению, которое в свою очередь заставляет постигать таинство русской души. Это не просто, требует усилий, упорного труда над собой, но и плоды приносит богатые. И будет ясно, что надо защищать, хотя бы и поэтическим словом.

Пока, может быть, такие удачи у Кокорина не так часто бывают. Впрочем, "настоящие удачи в поэзии вообще очень редки" - дополняет Александр Романов. Кстати, и Кокорин начинает иной раз выяснение своих отношений с "изысканной музой", которая, к сожалению, имеет крутой нрав. Но потому, что удачи у Владислава Кокорина все-таки есть, он с ней бывает в ладу.

Пожалуй, на этой ноте можно бы и закончить. Как, а обещанная "тайна", которая сокрыта от посторонних глаз? Разве ее нет в поэзии Владислава Кокорина? Есть, конечно, и не одна. Только остальные предоставим открывать самому читателю. Это тем более полезно, что ни один критик всего о стихах подлинного поэта сказать не может.

ВСТРЕЧИ И РАССТАВАНИЯ

(Виктор Плотников)

Предваряя свою первую книжную публикацию, молодой автор писал: “В жизни мы редко замечаем боль рядом живущего и слишком заняты собой. В своих рассказах мне хотелось бы передать человеческие страдания, которых еще много в окружающем нас мире, чтобы душа человеческая отозвалась на чужую боль, смогла вобрать ее в себя и прийти страдающему на помощь. Нельзя забывать о нашем всеобщем родстве”.

А нынче многие ли молодые писатели готовы вот так поставить перед собой творческую задачу? И не только поставить, но и решать от рассказа к рассказу... Хотя нет, о страданиях-то как раз пишут много, и боли хватает, и слез. Но чаще эту боль замыкают в своем персонаже, не давая повода для подлинного, душевного сочувствия, то есть сопереживания в трудную минуту. В ход идут запрещенные приемы, наружу вываливаются такие низкие стороны жизни, что в концентрате искусства все это уже становится неправдоподобным, и не очень искренним.

Виктор Плотников, очевидно, тоже не сразу нашел подходы к своему освоению жизни, чтобы страдания и боль не доминировали в восприятии читателя, а проявлялись как следствие жизненных коллизий. Мелодраматические завязки многих его рассказов поначалу не настраивают на печальный конец действия. Но “плоть” рассказа чаще всего такова, что читатель понимает и чувствует, что его ждут грустные события.

Посмотрим, например, как решает свою задачу В.Плотников в рассказе “Дом для сирот”. Время действия - послевоенная деревня. А в ней готовят к отправке детей-сирот, которые прожили здесь тяжелое время. Чувствуя расставание, Анна Козырева, пожилая женщина, которая ухаживала за детьми, идет с ними прощаться. По сути - это для нее чужие дети. Но автору необходимо было показать, что дело не в прямом родстве, а родстве человеческих душ.

Чужие дети, но как тяжело с ними прощаться. И Анна не выдерживает, она умирает. Детей увозят, и Сашенька - совсем еще девчонка - плачет и плачет, душа ее полна грусти и сострадания.

Не будем говорить о том, что писателю все удалось раскрыть в этой сложной ситуации. Пожалуй, какие-то причинно-следственные связи не выявлены с достаточной полнотой. Но, видимо, писателю этого и не надо было. Ведь в самой жизни так и бывает, что видимых взаимосвязей между явлениями нет. И читателю остается не столько

следить за событийной стороной рассказа, сколько вслушиваться в глубокую ноту неподдельной грусти, которая не перестает звучать по ходу действия.

Виктор Плотников и в других своих рассказах следует тому, чтобы обратить внимание на то, что жизнь каждого из нас не вечна, что после встреч всегда следуют расставания. И нужно помнить об этом.

Вообще давно не пришлось видеть у одного писателя такого пытливого всматривания за ту грань, за которой начинается вечность. Смертей у писателя даже чересчур. Но, может быть, Плотников и прав: смерть чаще всего выявляет в каждом из нас те потаенные струнки, которые в обыденке натягиваются редко, а лишь в минуты одиночества и разлада.

Одиночество, к сожалению, преследует многих персонажей Виктора Плотникова. Оно приходит по разным причинам. И каждый с ним попытается справиться чаще всего тоже в одиночку. Вот, например, Татьяна из рассказа “Одиночество”. Да, осталась одна, но жизнь продолжается. Тут подвернулся сосед, который оказывает знаки внимания. Собственно, Татьяне и так понятно, что ему надо от молодой вдовы. Но ведь ей-то хочется по-людски. Случайная встреча с одинокой старухой что-то меняет в ней. Она вдруг понимает, что ее душа связана незримыми нитями с другими душами. И когда вечером на ее пороге появляется Смирнов, Татьяна уже знала, что ей делать...

Пока у Виктора Плотникова вышла только одна книга - сборник рассказов “Когда мы будем вместе”. По некоторым меркам можно считать, что его начало в литературе подзадержалось. Может быть, поэтому писатель и держится своей “магистральной” темы. Хотя едва ли он и тут еще нашел свои, своеобразные подходы. Тут необходимо опираться на опыт жизни.

А у него большой жизненный опыт. Он родился в середине века в поселке Сандово Тверской области. Уже давно живет в Вологде, где и начал писать. Судя по всему, вологодская действительность и становится материалом для его прозы. И будем верить, что это позволит Виктору Плотникову увидеть в жизни не только печальное, грустное, но и веселое, озорное, что тоже в ней есть...

ТОЛЬКО ТИХОЕ ЧТО-ТО ПОЮТ...

(Михаил Карачев)

Поэтика Михаила Карачева такова, что заставляет предположить: он чаще всего использует в стихах элементы поэтической графики. В такой манере есть незаконченность подтекста, а авторские метафоры не всегда удается разгадать настолько, чтобы можно было уверенно положиться, что именно их и обозначил поэт, создавая свой образный ряд. Все это задает работу читателю. Но тем веселее могут быть открытия, если будет достигнута общая точка зрения на основы поэтической традиции, осваиваемой поэтом.

Вот, может быть, характерный пример такого предположения.

*Ветер полуночи,
Шум листвяной,
Дом, осыпaeмый листьями.*

*Все засыпают.
Качаются мысли.
Крыша шуришит.*

*От шума проснувшись,
Стриженный мальчик
Крадется к окну.*

Молчит в темноту...

По сути это набросок, эскиз большого полотна. Поэт, похоже, не захотел поведать о главном: какие же чувства владеют мальчиком в эту минуту? Да и когда все это было? Может быть, сто лет назад... А может, будет еще через двести. И все-таки перед нами образец поэзии. Дело в том, что у такого, казалось бы, незаконченного стихотворения есть продолжение в каждом читателе. Графический образ, созданный М.Карачевым, может вызывать множество предположений, ассоциаций. Действительно, всякий, разбудив свою память, легко представит подобные состояния. И они могут разбегаться в спектре чувств от полной восторженности перед ночной тайной до угрюмого страха перед неизвестностью. И оказывается, лишь небольшой набросок может вызывать чувства глубокие, ясные, как если бы поэт и сам предсказал их на основе своего мироощущения.

Можно бы и еще привести подобные примеры, хотя, конечно, М. Карачев не всегда использует прием недосказанности или незавершенности образного ряда. Нет, он бывает вполне конкретен, определен в своих чувствах и мыслях, заставляя читателя идти вслед за ним.

Будет ли что-то понятно, если мы узнаем о биографии поэта? А родился Михаил Карачев в поселке Лаптюг, что в Кич.-Городецком районе Вологодской области. После школы и армии, он закончил Вологодский пединститут. А ныне работает в дирекции по охране памятников истории и культуры. Именно ему во многом обязаны мы, что старинные города Вологодчины сохраняют остатки своего бывшего облика. В 1987-м году в Москве вышел его первый поэтический сборник "Птицы издалека". А вот вторая книга явно подзадержалась. Это не позволяет в полной мере говорить о том, насколько Карачев следует самому себе в поэзии сейчас.

Он, впрочем, едва ли от себя первоначального уйдет далеко. Ибо сразу окунулся в глубины русской поэтической традиции, характерные не сколько для нынешнего века, но прошлого. И не трудно догадаться почему именно там он ищет корни своего творчества. Поэзия XX века давала слишком много (во всяком случае, до недавних времен) примеров внационального подхода к творчеству, что едва ли поэтом русского миропонимания могло быть использовано за образец. А уж Карачев-то поэт только русский и иным представить его трудно.

*Пойдем да поедем старинной стезею
В край деда и бабки.
Поплачем, польем покаянной слезою
Могильные грядки*

*На отчем погосте, где сгорбились елки,
Где крестная сила
Всю кровную память для нас втихомолку
Навек сохранила...*

А ведь еще недавно мотивы возвращения в прошлое, памяти о былом или ушедших поколениях, не могли быть признаны характерными для большинства поэтов, создававших стихи на русском языке. Было предпочтительней заглядывать в будущее, воспевать предполагаемые свершения, чем серьезно и подробно задумываться об ушедшем. Не Карачев, конечно, первым стал осваивать такой взгляд на жизнь. До него появилось целое поколение русских поэтов (например, Яшин, Рубцов, Юрий Кузнецов, Передреев, Тряпкин), которые изме-

нили направление поэзии XX-го века. Но традиция тем и укрепляется, если последующие поколения ее усваивают, принимают в душу, чтобы потом на ее основе выявлять собственный поэтический потенциал.

Вот тут М. Карачев строг и последователен. Приоритетность национальных ценностей для него вне сомнения. Весь строй его творчества подтверждает это. И дело не только в том, что он описывает по преимуществу родную природу, русских людей, свои истоки, моменты истории страны. Поэт активно такие ценности утверждает в сознании своего читателя, не допуская раздвоенности миропонимания.

Может, правда, показаться, что следование за своими предшественниками в поэзии не позволяет Михаилу Карачеву осваивать темы и образы, которые рождаются изменениями во времени. Действительно, заявить себя продолжателем плодотворной традиции все-таки легче, чем найти свой подход к осмыслению своего времени. Единственность, неповторимость пути в литературе дается далеко не каждому. И поэт, как кажется, понимает это:

*Прощай, моя волж!
Прощай, моя тайна!
Один ухожу в темноту без названия...*

Что здесь? Только ли мотив прощания, неизвестности в будущем, хотя поэт дальше и пытается его обосновать в данном стихотворении? Можно, однако, предположить, что не только это тревожит лирического героя. Есть тут очевидность того, что поэзия - это не только мерцание звезд на ночном небе или свет солнца в полдень, но и долгое блуждание в поисках самого себя, своей души, своей духовности. Вот многотрудная забота, вот где, вероятно, обретение своего голоса.

Но новый путь будет осваиваться с уже накопленным багажом. В последних стихах М. Карачев показал, что это так и происходит. К него появляется больше примет времени, мир его стихов стал более предметен, появилось ощущение трагедийности своей эпохи. И он понимает, что русская жизнь ныне расколота неимоверно, рушатся привычные основы, размываются идеалы, характерные для русского сознания. Но в смуте выкристаллизовывается будущее. Не только страны, народа, но и самого поэта.

*И на русской печи, как с горящим мотором,
Понеслись мы, не зная судьбы.
И трещит наша печь, и ревет и гудит над простором!
Только дым, только искры летят из трубы...*

Дым унесет ветром, искры вспыхнут, но мгновенно погаснут. Вот тогда-то “русская печка” и даст тепло. Поэт не знает, когда это будет снова, но уверен, что такие времена наступят. Вот как это он утверждает в другом своем стихотворении: “... Тихим светом наполнится дом./ Все проснется и все еще будет/ И сиять и порхать за окном./”

...Михаил Карачев давно достиг духовной зрелости. Но его восхождение к поэтическим вершинам продолжается. А итоги, даже самые предварительные, еще впереди.

С ЛЮБОВЬЮ К РОДНОЙ СТОРОНЕ

(Мануил Свистунов)

Писатели бывают разные. И не только те, кто создает стихи или прозу. Есть, например, писатели-краеведы. Их еще называют родно-ведами. А основой для их творчества является историческое прошлое, быт, народная или духовная культура родного края. По традиции на Вологодчине таких писателей всегда было достаточно много. В наши дни эта традиция продолжается в творчестве И.Полуянова, Р.Балакшина, А.Грязева, А.Быкова, М.Свистунова. О последней и хочется сегодня рассказать.

А вспомнилось сейчас, как лет десять назад знакомый журналист привез из Венгрии огромный том, в котором была изложена вся история небольшого венгерского городка от основания до наших дней. И говорил при этом: "Да у нас о каждой деревне можно такой написать!" Его слушали, но не очень верили, что при том бумажном дефиците, какой был в то время, подобные книги будут появляться.

Прошло несколько лет. И вот в Вологде выходит достаточно солидная книга. А называлась она: "Междуречье. Очерки и документы местной истории(1137-1990 гг.)". Ее идейным вдохновителем стал Мануил Свистунов. И автором тоже. Правда, вместе с Л.Трошкиным.

Сейчас-то подобная книга не кажется фактом из ряда выходящим. Во многих районах области вышли свои краеведческие сборники. По-видимому, это уникальная серия во всей России. о создают их целые коллективы краеведов, ученых, журналистов. А вот "междуречье", между прочим, написано двоими. И видится более цельным, последовательным по своей структуре, чем иные подобные издания.

По стилю изложения, по своеобразным приметам авторской речи, легко угадываются в сборнике главы, написанные Мануилом Свистуновым. Он не только сообщает исторические сведения, воссоздает картины старины, воскрешая забытые имена и деяния. Хотя это уже само по себе огромный труд исследователя. Но он проявляет себя заметным публицистом, даже полемистом, отстаивая собственные взгляды на русскую историю и на современность. Выводы писателя бывают глубоки и очень своевременны.

"Основанием духовности, - размышляет М.Свистунов, - служит уважение к историческому прошлому своей земли, своих предков, родителей, забота о будущих поколениях. Почерпнуть все это можно не только из ученых книг, а в совместном труде в семье, на земле, на

заводе, в легендах, песнях, народных обрядах, в соборном участии в общих делах". Очевидно, что это выношенное убеждение.

А первые шаги в своей жизни сделал Мануил Свистунов в деревне Лаврентьево того же Междуреченского района. После окончания Вологодского пединститута работал учителем, журналистом. Потом переехал в Вологду, не разрывая, впрочем, кровных уз с родными местами. Он несколько лет отдал издательскому делу, заведая отделением Северо-Западного книжного издательства.

Не забывает Мануил Алексеевич и собственного творчества. Уж говорилось о своеобразном стиле характерном для писателя. Он особенно заметно проявился в его первой книге "Как перейти поле", вышедшей в Вологде в 1986-м году.

Не буду утверждать, что первая книга М.Свистунова стала заметным явлением литературной жизни среди того достаточно разнообразного множества книг, выходивших в 80-е годы в нашей области. И рассказы, и очерки, составившие ее, не поразят на первый взгляд оригинальностью и особым мастерством. Дело в другом: М.Свистунов показывает такие пласты жизни, которые вообще всегда трудно даются искусству. Речь идет о самой обычной жизни, которая, впрочем, не лишена смысла для многих персонажей писателя.

У его героев, как представляется, всегда есть прототипы в жизни. И сюжеты не выдуманы, а увидены, запомнены в годы, когда М.Свистунов еще, похоже, не думал о профессиональном писательстве. Это, повторим, обычные люди. Но каждый решает свои нравственные, профессиональные проблемы.

Вот, например, Галина Сергеевна - главврач участковой больницы из рассказа "Труба". Не своим, собственно, делом занимается она в те дни, о которых поведал писатель. Ей нужно выбить трубы водяного отопления. А сплошь и рядом - одно непонимание, бюрократы замучили. Так побегашь и решишь, что пора уходить с этой хлопотливой должности, чтобы не потерять квалификацию врача. Но вспоминает Галина Сергеевна, что не для себя хлопочет, тепла ждут больные. И своего добивается.

Этот мотив в творчестве М.Свистунова - необходимость самоотверженности для людей - очень характерен для этого писателя. Особенно ярко он выражается в очерках о земляках. Автор, конечно, избегает таких высоких слов. Но как их назвать иначе? Вот, к примеру, Александра Евгеньевна Люскова. Многие ли сейчас помнят это имя? А когда-то оно гремело по всей стране. Было даже своеобразным символом 30-х - 50-х годов. Но писатель пишет не парадный очерк-воспоминание. Он как бы совсем уходит от повествования, давая вы-

говориться своей героине. И простая женщина из народа предстает в сложных раздумьях о своем времени, своих корнях, победах и поражениях, выпавших ей на роду. И хотя нет среди монологов Люсковой авторских отступлений, но слышен за ними и голос писателя:

- Большое мы польшко перешли. И взрастили на нем социализм полной чашей. На польшке этом пот и кровь нашего народа. Верится, что трудились мы не даром. Умнее ли вы нас? Не знаю. Добрее ли вы нас? Не знаю. Сильнее ли родину любите? Доказать надо. Больше нашего знаете - это точно. Но работать так, как мы, вы не будете - это уж точно. Время другое. Возможности другие. Небывалые. А есть-пить все равно надо. У земли хватит всего на всех. Стойте на ней прочно, работайте дружно, спорьте уважительно. Смотрите на нее, аки на мать родную...

Тут все - мудрость народная, и русское миропонимание, и завет заслуженного человека. Это - вековые истины! Их обязательно услышит совестливый человек. В этом убежден Мануил Свистунов! И может быть, именно это ему хочется больше всего довести до своего читателя. Ему это удалось!

ИНОГО ВЫБРАТЬ Я НЕ МОГ...

(Василий Мишенев)

Знаю несколько людей, для которых стихи - естественный, а главное, почти единственный - способ жизни. Василий Мишенев - один из них. Говорить же о нем, не зная канвы его судьбы, видимо, нельзя. А он появился на свет почти в той же округе на Никольщине, что и поэт Александр Яшин. Было это в 1958 году. Василий, как и его знаменитый земляк, рано понял, что поэзия ему будет дана до конца его дней. Да и могло ли быть иначе? Места там сказочные, почти былинные, где почти всякий может разбудить в себе поэтическую натуру. И еще штрих судьбы - тяжелая, почти неизлечимая болезнь многое сломала в жизни поэта. Но не сломала, может быть, самое главное - душу!

У Василия Мишенева вышло уже четыре сборника стихов. Первый он назвал - "Лирика". Возможно, это произошло случайно. Но ведь помним, что в свое время и Рубцов свою первую книжку назвал точно так же! Может быть, и Мишенев подает знак - это традиция, это осознанное следование своему предшественнику в русской поэзии.

Сегодня модно - именно так! - считать, что поэт - величина самодостаточная, а традиций принимать никаких не должен. Мода, впрочем, всегда появляется там, где она нужна. Это ее свойство. Мне кажется, что о "самодостаточности" поэта могут говорить только от извращенного образа мышления. Дело не в том, чтобы повторять темы, структурные возможности стиха и т.д. Основа - в корневых мировоззренческих принципах, которые передавались от поколения к поколению.

А Василий Мишенев - традиционалист? Конечно. Более того, пока он даже не стремится оторваться от ближайшего поколения - Рубцова, Чухина, Прасолова, А.Романова, что в пору становления оказалось для него плодотворным и необходимым. Это ведь, кстати, характерно не только для него, а для очень многих поэтов провинции. Они вобрали в себя тот мир поэзии, который им оказался близок, понятен, приемлем.

Как у Мишенева следование традиции проявляется? Давайте посмотрим. Еще в первом его сборнике как-то сразу выделилось одно стихотворение, которое показалось очень знакомым. Вот оно:

*Доживу. Дотяну. Добегу.
До цветов на росистом лугу,
До заждавшейся тихой избы,
И появится дым из трубы!..*

*Доживу. Добегу. Я смогу!
Подождите на том берегу!
Я вернусь, постаревший чуть-чуть!
На земле не закончен мой путь!*

Согласитесь, очень приметный образный ряд. Да вот - Николай Рубцов, "Элегия":

*Отложу свою скудную пищу.
И отправлюсь на вечный покой.
Пусть меня еще любят и ищут
Над моей одинокой рекой.*

*Пусть еще всевозможное благо
Обещают на той стороне.
Не купить мне избу над оврагом
И цветы не выращивать мне...*

Переключка двух поэтов очевидна. Даже на уровне организации стиха, композиции, ритмических построений... Невнимательный критик тут же и скажет: что ж ты, брат-поэт, повторяешься! Раз создано до тебя, то уже и прикасаться не смей! И доля правды, наверное, в этом есть. Значительно сложнее создавать свой поэтический мир. Но... Все-таки, перед нами не механическое, то есть подражательное, повторение одного поэта другим.

Что у Рубцова? Крушение иллюзий на покой в этом мире, прощание с чем-то желанным, но уже недоступным. А у Мишенева? Здесь совсем другое: это возвращение к жизни, это обретение своего берега, уверенность в своем праве жить так, как это будет необходимо людям.

Вполне возможно, что Василий Мишенев и создал свое произведение под впечатлением от "Элегии" Рубцова. Но перед нами в любом случае - другой лирический Герой, другая судьба, другое мировосприятие. И тут уж не обращаешь внимание на сходство поэтических средств, ибо это в поэзии не главное. Тут важнее, что это новый взгляд на жизнь. И принадлежит он к другому поэту.

В целом В.Мишенев еще не раз давал понять - кто близок ему в поэзии. Такое следование могло бы завести в тупик. Но единичность судьбы поэта заставляет его пересмотреть очень многое в самом себе. Да, он пишет преимущественно лирику, он не пытается пока далеко уходить от себя, но через свое поэтическое "я" он все чаще обращается к размышлениям о родной стороне и ее людях, о судьбе России. В ка-

кой-то момент он мог спросить себя: "Вот только поймут ли люди в стихах моих сердца грусть?" А вот сейчас уже твердо знает, что помимо своей судьбы есть то главное, ради чего жить и стоит:

*Мчусь я вместе с листьями другими,
Но хочу сквозь бури и огонь
Пролететь дорогами такими,
Чтоб упасть к России на ладонь!..*

Василий Мишенев завершает формирование своего поэтического голоса. Он все более самостоятелен в выборе формы и содержания своих стихов. И тут еще более острым будет для него вопрос: а что дальше? Как уйти от себя первоначального, чтобы мир поэзии стал более широк и объемнее? Конечно, тут каждый решает сам! Интересно, что судя по последнему сборнику - "Кленовые листья" - он уходит в освоение русской поэтической традиции еще дальше по времени. Он даже называет имя, которое ему становится все ближе и ближе - Клюев! А что? Живя среди такой речевой стихии, которая еще сохранилась в Никольщине, среди былин и сказок, которые есть в обиходе тех мест, вполне можно найти там такие кладези, что их еще на многих поэтов хватит. Может, это новый путь Василия Мишенева? Посмотрим, время покажет...

ЧЕГО ДУША ЗАБЫТЬ НЕ МОЖЕТ...

(Владимир Кудрявцев)

Среди его поэтических сборников, старых и будущих, этот - "Алевтинин ручей" - всегда теперь будет стоять наособицу. Владимир Кудрявцев дал ему подзаголовок - "Стихи, посвященные матери". И этим сразу обозначил, что это не просто стихи, как отражение жизни вообще, в ее изломах и случайностях, но - память о самом родном человеке...

Во времена смутные, неустойчивые все больше тех, кто боится своих душевных порывов, распахнутости и искренности чувств. Таково свойство времени, таково свойство человека, лишённого вдруг привычных ориентиров духовной и душевной жизни. Это очень болезненное состояние. А как его преодолевать? Все ли знают?

"Стихи, посвященные матери"... Мне показалось поначалу, что тут слова еще не хватает: стихи, посвященные памяти матери. Видимо, это было бы верней для истинного восприятия всего сборника. Но нет, читая, перечитывая "Алевтинин ручей", вдруг понимал, что поэт более прав, чем это может показаться на первый взгляд. Память нужна о том, что можно забыть. А можно ли забыть маму?..

*Я, родная, сегодня во сне
Видел, будто бы мы спозаранку
Уходили с тобой по весне
Расчищать молодую делянку...
Под ногами похрустывал наст.
Гулко бредили медные сосны...
Были, мама, вчера и у нас
В этой жизни счастливые весны!*

Если бы не прошедшее время глаголов, то можно понять, что поэт рассказывает об обычной бытовой ситуации, которая могла быть в этой жизни в любой день. Понятно, что речь идет о деревенском бытии. Тут даже не замечаешь неправильности в сочетании - "молодая делянка". Надо, конечно, сказать - новая. Но легко представить, что в минуты совместного труда как раз и появлялось то единение родных душ, которое уже разорвать было нельзя. И в этом было счастье, это была понятная, близкая каждому единственность существования. Состояние радости укрепляется и от созерцания мира, весеннего леса, новой травы, пения птиц, высокого, чистого неба...

*Отошла, отлютовала стужа.
Тропка, голубая от воды,
Точно небо бегало по лужам
И оставило свои следы.*

Вот бы так было вечно! Но контрапунктивно уже вплетаются другие чувства и настроения. И они занимают все больше места в душе, заставляя думать и размышлять о том рубеже, где наступает конец земного существования.

*Тих и не весел
Больничный уют.
А за окошком
Весна разыгралась.
Давит на сердце
Тоска и усталость-
Ни на минуту
Уснуть не дают.*

Наверное, в конкретной ситуации, когда ясно, что родной человек уходит навсегда, у поэта было такое смятение души, что всех состояний ее передать нельзя. Но потом, со временем, когда боль утраты затихла, он попытался многие из этих состояний осмыслить. Это сделать всегда сложно, но, видимо, необходимо. Ибо утраты - тоже часть жизни. К ним нельзя привыкнуть, но они могут научить стойкости, чуткости ко всему живому, дают понимание того, что человек не вечен, но жизнь души никогда не прекратится.

И надо думать не только о себе, о своем горе, но и тех, кто остался рядом:

*И поэтому, уединясь,
В краю заброшенном, но милом
Я вновь нащупываю связь
Уже не с тем, а с этим миром...*

От боли такой утраты уже никогда не забыть. Мотивы одиночества, невозвратности светлых, хороших дней еще не раз возникнут в этом поэтическом сборнике. И казалось бы, все это - лишь личные переживания лирического героя. И они не имеют значения для другого человека, который, даже дорогие утраты переносит более спокойно.

без лишних эмоций. Мало кто знает, как лечить душу. Но ведь есть уверенность у поэта, что разбудить ее можно...

Зачем? Всеобщность чувства едва ли возможна. Но истинный поэт всегда через самые личные переживания пытается передать что-то такое, что должно быть понятно всем и каждому. И читатель вправе за конкретностью образа видеть мотивы его появления. Да, потеря родного человека - чувство глубокое и личное. А потеря, например, родины, разве не сопоставима по силе чувствования? Нет, не у всех, не у каждого, но у нравственного, духовно чистого человека понятия родины и матери - категории, конечно, одного, очень высокого порядка. И мы можем предполагать, что Владимир Кудрявцев своим сборником "Алевтинин ручей" дает знать и об этом.

*Да! В честь меня молитвенно опять
На каждого из нас и всю державу
Во славу мертвых и живых во славу
Бог посылает мир и благодарность...*

Отчего-то кажется, что после смуты и смятения души, через боль утрат и радость обретений - такие времена наступят. Владимир Кудрявцев верит в это. И хочет, чтобы верили в это и мы!

Впрочем, наверное, зря мы отделяем сборник "Алевтинин ручей" от других книг этого поэта. Она все-таки тематически продолжает и "Мы рубим дом" (1990г.) и "Венцы" (1992г.). Но в тех книгах, создаваемых еще молодым поэтом, было много жизнеутверждающей силы, распахнутости миропонимания, свойственной молодости.

Годы сильно изменили его, жизнь была сложной и непростой. А родился Владимир Кудрявцев в 53-м, в деревне Попово Костромской области. Места эти известны тем, что здесь когда-то совершил свой подвиг Иван Сусанин. Будущий поэт учился в Ленинграде, работал на Череповецкой студии телевидения, несколько лет возглавлял газету "Вологодский комсомолец", потом работал в управлении культуры... Но и поэтического творчества он не забывает. И надо ждать новых книг, которые, видимо, скоро придут к читателю.

МИР СЕВЕРНОЙ ДЕРЕВНИ

(Василий Елесин)

Однажды пригласил он меня в гости. И стал вслух читать свое новое произведение. Это была сказка, написанная белым стихом. Прошло много лет. Забылся сюжет, стерлись из памяти персонажи. Осталось вот что: как преобразился этот скромный, тихий человек, который, кажется, в жизни никогда и голоса не повышал. И вдруг - какие страсти в душе кипят, как хочется ему передать голосом неповторимость каждого образа, подчеркнуть особенности характеров своих героев. Таких переживаний не может быть у человека равнодушного, ремесленника в творчестве...

Потом вспомнилось другое: удалось увидеть, как произведения Василия Елесина воспринимают дети. А было так: мои ребяташки, ошалевшие от деревенского лета, вдруг попросили что-нибудь почитать им. Выбрал "Одноухого зайца". Смотрю, притихли мои маленькие слушатели. Детство Кольки Большакова, этого "мужичка с ноготок" - совсем не похоже на их впечатления от жизни. И вместе с открытием неведомого до этого дня сверстника они, как мне показалось, едва ли не впервые задумались о том, что и у маленького человека могут быть заботы, которые доступны только взрослым. А Колька Большаков сразу стал родным и близким. И даже по этому факту можно судить, что Василий Елесин может разбудить не только взрослую, но и детскую душу.

Василий Елесин вообще много писал о детях, подростках. Признано, что писать о них (и для них) - необыкновенно трудно. Мало того, что надо быть точным в языке, в конкретности ситуации, в живописной обрисовке образов, персонажей, подробностей, надо еще разбудить в юном читателе волну сопереживания. Вот в чем трудность наибольшая. Но для писателя при удачной работе над произведениями для детей и подростков - есть награда самая ценная. Через литературу, через слово он открывает для юного читателя мир, может заставить его не только видеть вокруг себя людей и явления, но и научиться сопереживать, понимать их.

Характерна в этом смысле еще и повесть для подростков - "Беглецы".

Она вроде бы предназначена для подростков, но писатель, видимо, очень хотел бы, чтобы ее прочитали учителя и родители. В повести - ситуация не совсем обычна. Это рассказ о... бунте двух сельских мальчишек, которые от отца и матери попали в интернат. Может быть, слово "бунт" - слишком крепкое, но точное.

Так против чего бунтуют Саня и Женя, два деревенских несмышлениша, которые пока , кроме родной деревни, никакого другого мира не видели? Конечно, интернатская “житуха” - не хлеб с маслом. Ребята обижают, даже унижают старшие, которые нороят вольность и открытость мальчишек затолкать в рамки дозволенного, разрешенного. Но кто придумывает эти рамки? Для чего они служат? Ведь их создают, чтобы личность нивелировать, чтобы все были как один. Саня и Женя не хотят быть, как все. В них не утихает боль от того, что взрослые разрушили их мир, мир деревенских пацанов, которые хотят жить у мамы с папой, в своей деревне, ходить на свое озеро, в свой лес, где много грибов, ягод и всякой живности. А их насильно лишают всего родного! Вот против чего протестуют ребята. И Василий Елесин на их стороне, ибо...

Ибо сам хватил лиха в общежитиях, в которых, по его словам, провел самую увесистую часть жизни - от тринадцати до тридцати.

А родился Василий Елесин в 36-м году, в деревне на севере Вологодчины. То поколение рано тронулось из родных мест. Кого прогнала война, кого - сиротство. Судьба Василия Елесина сложилась, надо думать, все-таки счастливо. Он учился в техникумах, закончил Ленинградский университет, много-много лет работал в газетах, то есть призвание свое нашел вовремя. И вполне естественно, что груз пережитого заставил обратиться к литературным занятиям.

Его начало в литературе можно по некоторым меркам считать запоздалым. В 75-м году его рассказ “Старый дом” появился в сборнике “Пути-дороги”. В том сборнике было достаточно много удачных произведений. Но рассказ Василия Елесина и сегодня поражает зрелостью миропонимания автора, попыткой сразу говорить о серьезном, даже болезненном, явлении современной жизни. Интересно, что писатель потом дал этому рассказу другое название - “У развалин”, что точно и многообразно подводит итоги жизни целого поколения детей предвоенной деревни.

Теперь у Василия Елесина вышло около десяти книг. Заметным явлением в литературной жизни Вологодчины конца 80-х годов стало появление его романа “Надежда и метель”. Наверное, это произведение близко литературе так называемой “деревенской прозы”, хотя перед нами жизнь небольшого железнодорожного поселка. История семьи Дементия и Анны Чужгиных сложна, чаще всего трагична. Писатель точен в образах, деталях и подробностях той жизни. Такое знание нельзя приобрести, если сам не видел, не пережил, не понял времени, которое описываешь.

"Надежда и метель" - произведение эпическое, многоплановое. И хотя в центре его история лишь одной семьи, но через нее видна история целого поколения деревенских людей, выгнанных из деревни коллективизацией. Чужгины пытаются наперекор всему еще построить новую жизнь, живут мечтой о своем доме, о большой семье. Но несчастья, которые сваливаются на семью, очень характерные для предвоенного и военного времени, все отодвигают и отодвигают осуществление любой мечты. Метель оказывается сильнее надежды... И кто в этом виноват - пойдя теперь разберись! Писатель, конечно пытается показать всю сложность той жизни, но едва ли все причины трагедии одного поколения в одном романе показать можно. Впрочем, тут Василий Елесин не одинок. Он лишь один из писателей, которые показали уже трагедию северной деревни. Вспомним хотя бы, романы Василия Белова, повести Владимира Тендрякова, роман Н.Скромного "Перелом"... Василий Елесин вносит свою лепту в описание той жизни.

...Его сказка, о которой поминалось в начале этого очерка, пока еще не опубликована. И, видимо, не пришли к читателю и другие произведения Василия Елесина. Значит, надо ждать новых встреч с ним!

ВЕЧНОСТЬ НЕ ЗНАЕТ РАЗЛУК

(Михаил Сопин)

Он пришел в русскую поэзию, как мало кому доводилось. Да, что пришел? Прорвался, пробился... Вопреки времени, судьбе. Он слишком часто вступал на грань жизни и смерти, не очень веря, что и для него утром выглянет из-за туч солнце. Он и в поэзии не такой, как многие, как почти все, кому не выпал жребий опрокинуться из обычного человека в лагерника, вечного "зека", каким был Шаламов, например. Но кто теперь объяснит внятно: как ему это удалось?

О Михаиле Сопине, его поэзии надо говорить жестко, точно. Без экивоков, без этаких штучек, когда не поймешь - обругали тебя или пожелали сообщить нечто приятственное. Но не должно быть и тени жалости, слезливого сострадания. Глубина истинного сострадания ведома только ему. Или тем, с кем был он рядом, кто выжил, когда миллионы не сумели этого сделать.

И теперь кажется, что он - реликтовый человек, забредший по случайности из другого мира. Где четкая биография? Из какого он сословия? Где диплом об образовании, трудовая книжка?.. Похоже, ничего нет, чем обычно удостоверяют прожитую жизнь в этом обществе. Взамен он предлагает свои стихи. Но кто из "нормальных" их читает? Им этого мало. Бумажка нужна. Но как же представить Сопина тем, кто все-таки уже узнал его? Вот как о нем писали однажды, словно по капле давили: "Судьба вологодского поэта Михаила Сопина необычна в своей драматичности. Ему было 10 лет, когда началась война, затем - страшные годы оккупации. Войну он закончил в Берлине "сыном полка", а вскоре пережил личную драму в сталинский период нашей истории..."

Наверное, тут есть правда о Сопине. Но не вся. Во-первых, он никакой не "вологодский", а просто русский поэт. Родовые корни были у него на Куршине, где будущий поэт увидел свет в 1931-м году. Корни обрубила война, путив в "свободное" плавание. Он и правда был "сыном полка", но едва ли и всем полком можно было спасти детскую душу от всего ужаса, крови, завывания авиабомб, вечных похорон тех, кого еще вчера мог назвать другом ли, братом ли?..

*Я рождаюсь вот здесь, в сорок первом -
мертвым сверстникам глядя в глаза.*

И будем помнить, он еще мальчишка. В 45-м Сопину всего - 14!
Да все ли взрослые смогли без сердечных рубцов перенести военную

лихолеть? А ему еще надо жить. "Сын полка" ни одной душе теперь не нужен. Его призывает в свои ряды безрассудная детдомовщина. Она приводит в коридоры, чаще кончающиеся "стенкой" или ударом "финки" в сердце, но его судьба спасла. Вот и у Есенина: "Тот, кто хоть раз на земле заплачет, значит, удача промчалась мимо". Но у Шаламова: "... люди, не знающие лагеря (счастливые люди), ибо лагерь - школа отрицательная, даже часа не надо быть человеку в лагере, минуты его не видеть". Шаламов же и продолжает: "Именно блатной мир, его правила, этика и эстетика вносят растление в души всех людей лагеря- и заключенных, и начальников, и зрителей... А в бригаду приходили новички, чтобы в свою очередь умереть или заболеть, или встать под пули, или издохнуть от побоев бригадира, конвоира, нарядчика, парикмахера и дневального". И все это пережить? И не вывернуть душу наизнанку? И еще писать стихи?

Тут не знаешь, что вернее: спасла ли еще одного своего печальника русская поэзия? Или Сопин сам нашел единственный способ жить почти только стихами? Но когда он переехал жить в Вологду, он уже был своеобразный, редкостный поэт. Тут же и первая книжка - "Предвестный свет" вышла в 1985-м, еще подцензурная, еще посеченная лихими ножницами... И быть бы Вологде не самым печальным городом в судьбе Михаила Сопина, но в мирное время, почти на ровной дороге потерять старшего сына, отданного для службы... И это вынести? И еще после этого жить?

*Мне страшно, а вдруг я неволю
Живущих живым сострадать?
Я жалеюсь белому полю,
Чтоб голос мой слушала мать:
Мне холодно, мама, я стыну.
Мой голос звучит или нет?
Торжественно. Людно. Пустынно,
Ни слова, ни звука в ответ...
Убитому жалеюсь сыну
На участь живого отца.*

Стихи Сопина нельзя читать помногу, вздохлб, как читаются иной раз другие поэты. Дело не только в том, что его судьба ярко, даже насильно, вмещается в них. Михаил Сопин и является примером того, что поэзия и судьба не только неразделимы, но кровно связаны одна с другой. Суть в другом: он не боится взять с собой читателя на вершины бытия, обнажить перед ним сердце, душу. Но он не боится и пропас-

тей, откуда веет смертным холодом, а может быть, и вечным покоем. В сущности ни то, ни другое в обыкновенности бытия не нужно. И многие так думают. Только Сопин не хочет с этим соглашаться.

Прав ли, прав ли тут он? Вот и Александр Романов, мудрый человек, отмечая талантливость Сопина, тоже остановился в минуты сомнения над его стихами: "А в поэзии мог бы развернуться значительно, как трагик человеческого бытия (вообще человеческого, а не только подконвойного, советского). Но для такой судьбы необходима мудрость, а не только злость-обида. И строки Михаила Сопина с каждым выходом в свет все короче. Огня уже в строке не хватает... А может, он накопится в душе?.."

Сомнения тут искренние, от распаханности миропонимания. Но когда один поэт думает над стихами другого, он невольно применяет свой опыт. И в поэзии, и в жизни. А.Романов и М.Сопин - ровесники, почти с одного года. Разность их судеб все равно накладывается на одну эпоху, на схожие испытания, хотя у Сопина все круче, изломами, хождениями над пропастью... Но по сути тут два полюса одного поколения. У Романова правда народная, но крестьянская. У Сопина тоже народная, но "лагерная". Разница между ними такая же, как между огнем в русской печи и огнем в буржуйке в бараке на заметленной зоне. Один скажет: "Русь уходит в нас!". Другой: "Мы за Россию столько уложили, что уж самой России не видать." Тут не только разные подходы к прошлому, но противоречия мировоззренческие.

Поэзия Сопина рождалась в одиночестве его, когда долгие годы и руки подавать никому не хотелось. Он - поэт - "подпольщик". Если его печатали, то совсем не то, о чем кричала его душа. Тут, видимо, окреп в нем стойкий неприязненный фон ко всему, что было связано со словом "официальщина". Он решал примерно так: "нормальные" поэты пишут любовную лирику, а я не буду. Они славят стройки, рукотворные моря, полеты в космос, а меня увольте. В его понимании было, что между обществом и человеком - огромная пропасть, перепрыгнуть которую нельзя. Он по преимуществу - судья, но не адвокат человеку ли, принятым правилам и законам. Но право у него такое есть:

*Я ад прожил на свете этом.
А рай - оставим для святых.*

При таком мироотношении понятно, что в рай могут попасть единицы. Тут обратим внимание, что у него нет описаний этого ада, какие есть у Шаламова, Солженицына, Даниила Андреева, Юрия Домбровского, даже у Высоцкого, который, правда, свою "лагерную" тему

создал на основе легенд. Сопин из военного детства, которое зримо, точно видится в его стихах, вдруг почти сразу оказывается в наших днях, совсем не касаясь в творчестве "лагерной" жизни, как многие, кто в них выжил.

Видимо, это идет от понимания, что ад - это не колымская стужа, не извечный страх перед пулей, не издевательства блатарей, не побои караульных, не тяжелый труд... Ад - в душе каждого человека. Вот где черная дыра, которая в обществе может передаваться генетически от одного человека к другому. Заведомая ложь о прошлом, "трясина идейного хлама", безлюбие, подозрительность к истинным проявлениям духа, разума - вот пороки, укоренившиеся, по мнению поэта, в нескольких поколениях бывших советских людей. Его удивляет степень мимикрии, способности пороков укрепляться, вить теплое гнездышко в любой душе.

*Едва под звоны отворились храмы,
Как хлынули толпой в дворяне хамы...*

Тут его взгляд историчен. Он охватывает всю русскую трагедию в двадцатом веке, "закольцовывает" ее на возможность повторения. От разломов в душе каждого человека, Сопин часто приходит к размышлению о судьбе и самой России. Тут его чувства в смятении, он признается в редкостной для обыденного сознания любви-ненависти к родной земле. Все это может показаться аффектацией, бредом болезненного ума, если не знать судьбы поэта.

Этот мотив очень характерен для поэтов "лагерного" сознания. Вот, например, Ольга Берггольц, тоже испытавшая ужас сталинских репрессий:

*Гнала меня и клеветала,
Детей и славу отняла,
А я не разлюбила - знала:
Ты - дикая. Ты - не со зла.*

А Сопин бывает еще более гневен, еще более непримирим в своих отношениях с Россией. И кажется, что на такие выводы его чаще сподвигает не тот ад, который ему достался, а само развитие общества как раз в последующие за сталинизмом периоды. Нынешнее время - не исключение. Оно лишь продолжение прошлого, кандалные цепи которого никак не удастся разорвать.

Поэт предьявляет жесткие счета своей родине. Он, не покрывив душой, спрашивает: за что "мужиков забивали в колодки", "вели про-

давать на торги, как скот", почему "воюют брат с братом, с семьей враждует семья", "за что, объясни мне, уходят твои сыновья"? Тут, действительно, "никто не забыт, ничто не забыто". Память "минирована" потрясениями, трагедиями, растерзанными душами, кровью, пролитой напрасно...

Нет, многие ли из нынешних поэтов с чистой совестью могут задавать такие вопросы? У Михаила Сопина это право есть.

Читатель вправе следовать за поэтом, если настроен на его волну. Но может и не следовать. А вот попытаться объяснить себе, ради чего Сопин переливает свою судьбу в поэзию, наверное, должен. Одного желанья тут мало, впрочем. Нужен опыт не сколько поэтический, сколько знание жизни. Поэт не зря предупреждает:

*Я несую тебя, век мой, в груди :
Твою радость несую,
Твою гадость,
Твою нежность,
Горючесть и сладость.
Однобоко меня не суди...*

Он склонен считать, что его трижды проклятая им самим судьба может быть понята, как урок, наверное. А не можем ли мы представить, что Сопин - через невероятные испытания, боль, унижения, любовь-ненависть, сумел увидеть что-то главное в жизни каждого человека? Тут речь о высоком, о смысле жизни, например. У Сопина нет "философской" лирики. Но в его отрицании пороков, в его гневной отповеди беспамятству, другим искривлениям духовной жизни, он видит идеал человека. Он ясно знает каким он должен быть.

*Родимая, что нам осталось?
Висков крутое серебро.
Неизреченная усталость
И недобитое добро...*

Постижение поэзии Михаила Сопина, возможное, конечно, не сразу, при возвращении к его стихам вновь и вновь, может привести к таким неожиданным выводам. Становятся очевидней многие пороки людские, происходит уточнение смысла слов - Совесть, Боль, Жизнь, смерть, страдание, насилие, террор... Как все это актуально на пороге веков... Поэт понимает, стихи еще никого ничему не научили. Но вдруг, да хоть одного?..

2. ПУТЬ К СЛОВУ

Статьи. Рецензии. Заметки.

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В ЖИЗНЬ (“Малая” проза писателей-вологжан)

Нет нужды говорить особо о роли рассказа в освоении действительности. Помнится, вскипали и затухали дискуссии по этому поводу. Но почти все сошлись во мнении, что именно рассказ должен быть самым оперативным откликом на любые изменения в жизни человека и общества. Ладно, сошлись-то сошлись. А что дальше? А дальше посмотрим, как поработилось вологодским писателям в “малом” прозаическом жанре в 1994-м году.

Не буду говорить о том, что удалось прочесть все, что в тот год было опубликовано, но около тридцати рассказов в поле зрения попало. В это число единым “блоком” входят рассказы Вячеслава Белкова из его книги “Половинка луны”, хотя каждый из них и имеет самостоятельное значение. Если же вернуться к нашему “около тридцати”, то с ходу трудно судить о продуктивности осмысления жизни нашими литераторами. Но зная, что в области примерно тридцать прозаиков, работающих сейчас в литературе, то получится примерно один рассказ на человека. А вот эта цифра не очень-то впечатляет.

Вот хлопочу-хлопочу о рассказе, а сам все держу в голове: а будет ли “товар”, выражаясь новоязом, к месту? Может быть, и нет уж заметных достижений у наших прозаиков, чтобы это могло заинтересовать читателя? Вопросы своевременны. И требуют ответов.

А начнем с того, что сенсация в литературной жизни отдельно взятой области, конечно, - редкость. Но случаются! Так вот, как сейчас видится, такими сенсациями можно обозначить публикацию рассказов Александра Цыганова “Россия” и Олега Ларионова “Крысиный рай”! Прошло много времени, но и сейчас считаю их в числе лучших рассказов наших писателей в последние годы. Если же говорить о достижениях дальше, то в этот разряд в 94-м году вполне попадают документальные новеллы А.Романова, появившиеся в областных газетах, “Инспектор Мегрин” А.Грязева и, без сомнения, оба рассказа В.И.Белова в 11-м номере журнала “Север”...

Допускаю, что есть желающие этот список продолжить. И Бог в помощь! Это только подтверждает предположение, что как раз у “рассказчиков” каждый год можно ожидать достижений, которые могут вызывать (и вызывают!) хороший читательский интерес.

Начнем с рассказа А.Цыганова. Так чем же так привлекла “Россия”? Несомненным ее достоинством является одна из первых попыток у писателей-вологжан жестко, без скидок на смутность вре-

мени, посмотреть на то, что делается сейчас в стране. Не буду спрашивать: все ли вас устраивает в нынешней жизни? Мнения на этот счет слишком поляны. Но читая Цыганова, еще раз понимаешь: бывали в России времена плохие, но давно уже хуже не припомнится. Сразу и не отдаешь себе отчета, что это всего лишь литературное произведение - так точно описаны "картинки" нашей жизни.

Кажется, что автор просто вышел на улицу и передает свои впечатления от увиденного: - "... На остановке било в глаза - ядовито слепило от нездоровой яркости коммерческих киосков - до отвала набитых бог весть каким заморским товаром. Тут же невозмутимо и похозяйски промышляла пацанва: грязное и оборванное племя мемсентально бросилось к выкинутой из одного киоска пустой коробке, перематогиваясь меж собой и угрожающе засовывая руки в карманы. Кругом было грязно, мусорно, пустынно". Или вот: "... отчего-то так вышло, что троллейбус (а на его борту надпись - "Россия" - А.С.) оказался полон военными, одетыми в разномастную форму. Причем странно было еще и то, что они каким-то образом успели занять многие сидячие места занять и даже не думали уступать их стоящим над ними женщинам, а также пожилым людям, которых здесь хватало... Никому, конечно, до этого дела не было, - от набившегося люда стало несусветно душно и жарко".

Не удивляйтесь, что такие большие цитаты. Образная ткань рассказа так раскрашена, улюотнена, что автор чаще всего вынужден прибегать к символу, яркой детали, чтобы достичь наибольшего впечатления. Какой, например, сильный, но жизненно верный эпизод с шальной перестрелкой у остановки троллейбуса, словно это самое обычное дело. Мы уже привыкли к подобным вещам?. Но писатель и тут не дает успокоить нервы - через какое-то время участники рассказа становятся свидетелями дорожно-транспортного происшествия, на проезжей части лежит погибший... А какая-то девица вдруг "с какой-то завораживающей утробной радостью пискнула: "Первый раз вижу мертвого!" Надо понимать, в первый, но теперь уж и не в последний... И совсем уж расстраивает писатель какой-то странной безнадежностью от этой жизни в конце рассказа, когда повествует о веселых контролерах, которые принуждают пассажиров подчиняться себе.

Нет, это мы чаще всего подчиняемся произволу и хамству. А вот неизвестный парень пыгается оказать сопротивление явной несправедливости, отстаивая честь и, если хотите, - свободу. Но разбудит ли смелый поступок одиночки равнодушную толпу? Вот, что хотел бы понять автор "России". А если нет, то грозное предупреждение в виде

молнии, которая неожиданно разрывает тучи над этим городом, должно насторожить всех...

Теперь о рассказе Олега Ларионова "Крысиный рай". Вот еще один пример своевременного, точного отзыва о нашей жизни. Писатель через банальную историю о том, как "приватизировали" свиноводческую ферму - показал и растерянность, определенную стадность человека, который не привык отвечать не только перед своей совестью, но и обществом за свои дела и поступки. Распад страны начался не вчера. Он стал результатом распада личностей многих и многих людей. Вот почему так быстро, безнаказанно пока вершат свои грязные дела нечестные люди. Но кто им будет противостоять? Об этом нет у Олега Ларионова, но ответ нашелся в рассказе совсем другого писателя.

Именно этим привлёк внимание "Инспектор Мегрин" Александра Грязева. Читал-читал я этот рассказ, все казалось, что нет тут вроде бы "изюминки". А потом догадался: ба, да все дело в характере автоинспектора. И впрямь ведь, не часто найдешь в текущей литературе рассказ, где бы убедительно был показан герой-символ, сильный, уверенный в своей необходимости для людей, без всякой показной ответственности за порученное дело. Можно, конечно, поразмышлять, что однолинейность Мегрина не заслуживает похвалы - хочется и в представителе власти увидеть отношение человеческое! Но тут дело в другом: писателю именно сейчас необходимо напомнить, что Русь - Россия всегда держалась на людях, при любых обстоятельствах верных чести и долгу. Но право писателя увидеть и такой характер среди нас, чтобы напомнить об этом. А то ведь именно литература часто-часто дает примеры конформизма и нестойкости в тяжелые времена. "Новая", конечно, литература - в "старой" такого почти не встретишь.

В очень близком ключе - вот неожиданность - к жанру русского классического рассказа выступил Сергей Ладухин. Он по литературному амплу - не прозаик, но его "Снегопад" написан достаточно уверенно. Кажется, что уже ничего нового нельзя сказать о стариках, тем более - сельских, но молодой автор увидел ситуацию, характерную именно для последнего времени. И не соврал по сути - разложение душ, совершенно очевидное на примере Васи Палагина, коснулось и глубинку. Но еще больше увиделось, что человек все больше уходит в себя, в душевное одиночество, не пытаясь найти помощь у ближнего. А ведь тоже примета времени...

И совсем нельзя пройти мимо двух рассказов Василия Ивановича Белова, опубликованных в 11-м номере журнала "Север". Он как бы

возвращает нас к героям, известным по его же рассказам 60-х годов. Давно мы их не видели. И они совсем другие, в другом времени.

На первый взгляд, самые обычные картины деревенской жизни рисует писатель. Они не только обычны, но очень тревожны. Вот на ферме просыпаются два мужика после перспоя. Но одному, кажется приходит здравая мысль:

- Туляков, а не хватит ли нам пить? Ведь умрем оба...

Да, где там. Мысль мелькнула, и ушла, и едва ли снова вернется. Надо что-то делать? Конечно, работать нужно. Валентин и Туляков делают необходимую работу, но мысль вертится около одного - где бы выпивку достать. И достают, конечно. И грустно так Коч смотрит, как Валентин обнимает быка, как оказалось, самого близкого существа в такую минуту.

А в другом рассказе тот же Валентин отправился в город, но его простодушная натура не может понять "новой" жизни. И это столкновение заканчивается для него трагично...

Сложные чувства вызывают оба рассказа Василия Белова. Уже и не верится, что это автор "Привычного дела", где еще было много полноты жизни, светлых характеров. Все изменилось, все движется в пропасть. И ничего нельзя, наверное, поделать...

Итак, наши предположения, что рассказ и сегодня помогает более оперативно постигать время - подтверждаются. Разный уровень, разный подход использует каждый автор. Но важно, что их рассказы появились своевременно, они должны заставить задуматься читателя над этой жизнью. Тут очень важно, что авторы не прошли мимо самых болезненных проблем времени. И своим мастерством доказали нам, что так жить нельзя! Надо меняться самим и менять мир вокруг нас.

СРЕДЬ НЕДОПИСАННЫХ СТРОЧЕК...

Так вот, появилась необходимость вспомнить о Сергее Чухине...

Читая его стихи сейчас, вдруг понимаешь, что о нем в свое время не договорили, как бы не поставили точку в конце предложения. И кажется, что забвение его поэзии наступило раньше, чем это можно было предполагать. Дело не в том, что, видимо, стихи С.Чухина не очень активно востребуются сейчас читателем. Тут еще можно поправить изданием хорошего, целостного "Избранного", чтобы понастоящему высветить внутреннее содержание его поэзии. Хуже то, что незавершенность разговора о его творчестве не позволяет точно и верно определить нынешнее положение Сергея Чухина в русской поэзии.

Такое состояние не бывает случайным. А причин этому может быть две. Или время его поэзии уже прошло. Или? .. Или *еще* не наступило. Нестыковка звеньев прошлого и будущего заставляет обратиться к дню сегодняшнему. Но и тут для осмысления нужна опора. И такая опора - память об этом поэте, которая сохранилась в почитателях его стихов.

Звено прошлого в разговоре о Сергее Чухине видится отчетливо. Его имя в поэзию 60-х - середины 80-х вписывается легко и естественно. Он сравнительно легко нашел темы и мотивы для своих стихов. И от книги к книге шел по восходящей своего поэтического мастерства, не обращая внимания на всяческую современность. Так оно и было по сути. Но с оговорками. Поэт чаще привлекает неожиданностями, изломами, уходами, казалось бы, от самого себя. Чухин же смущал критиков устойчивостью, целостностью мировосприятия, что почти никогда не вызывало споров о его стихах.

Не будет, однако, противоречием и то, что верность избранному изначально пути - тоже привлекательна и плодотворна. И Сергей Чухин уверенно доказывал это. Все, что его душа воспринимала, и становилось для него предметом поэтического вдохновения. А он бывал зорок, устойчив в своей определенности чувств и настроений.

И когда жизнь поэта оборвалась, то многим показалось, что он тему свою магистральную так и не завершил. А мнения о его поэзии, завершеного и точного, как бы и не сложилось.

Так мы попадаем в плоскость настоящего. И можно бы успокоиться на том, что предполагаемая незавершенность творческого пути - судьба Чухина и его поэзии и есть. Так часто бывает, особенно, если

поэт уходит в мир иной на взлете, еще не достигнув своих подлинных вершин.

Но вдруг пригвоздила мысль Александра Романова, высказанная почти без всякого повода. А он решительно произнес, что у поэзии Сергея Валентиновича Чухина - "истинное признание еще впереди"! Как же так? Не было заметного (точнее, подлинного, глубокого) признания в прошлом. Нет его в настоящем. А вот в будущем, оказывается, ожидать можно! Нет, это не случайная оговорка, хотя А.Романов тут же поставил точку и не стал никому и ничего объяснять. А какие-то акценты расставить, похоже, было необходимо.

Что принадлежит будущему не знает, наверно, никто. Но догадки, основанные на опыте настоящего и прошлого, тем не менее, возможны. Вот и мы можем что-то предполагать, если точно и верно угадаем свои интересы в нынешней ситуации. И не будет открытием то, что сейчас нет *поэта*, который владеет всеобщим вниманием. Пожалуй, только одно имя на слуху чаще других в национальной русской поэзии. И не трудно догадаться о ком идет речь. Имя это - Николай Рубцов.

Интерес к Рубцову возник как-то сразу и идет пока по нарастающей. Многие пытались объяснить это явление, но как-то тушевались, чаще уходя в декларации. Притягательность же Рубцова в том, что в его поэзии оказалось так много предвидений настоящего (о будущем говорить погодим), что сразу надо поверить в свойства порока, вложенные свыше истинному поэту. "Я слышу печальные звуки, которых не слышит никто!" - относились к временам ушедшим, но сейчас слышали, видимо, многие.

Не будем забывать и о том, что широкому влиянию поэзии Николая Рубцова на современный поэтический мир способствовало и гениальное мастерство поэта в его лучших стихах. Это всегда привлекает, завораживает читателя. И тут его не обманешь. Он, что не подлежит сомнению, в первую очередь будет обращаться к подлинным шедеврам, а уж потом обратит внимание на тех, кто достаточно талантлив, но все-таки до вершин не дотянул. Кстати, и Александр Романов в своих заметках отмечает сначала гениальность Рубцова, а потом говорит о заметном, сильном таланте Чухина.

Правомерность появления имени Рубцова в разговоре о Сергее Чухине заложена традиционно. Будет справедливо причислить его к поэтам "рубцовской плеяды". Влияние первого на второго отмечалось не раз. Хотя и с ремаркой, что последний из-под этого влияния потом выйти сумел. Но всегда в поэзии обоих находили больше сходства, чем различий.

А между тем, как сейчас видится, Рубцов и Чухин - не только очень разные поэты. Они скорее антиподы, противоположности, что кажется почти невероятным. Да что это такое говорится? Этого не может быть! Вот десятки примеров, когда очевидно единство тем, образных, даже стилистических построений у того и другого. Да, верно, писали почти об одном. Но видели многое по-разному.

О поэзии Н.Рубцова написано так много, что еще одно объяснение ее будет уже общим местом. Мы все же выделим, если можно так сказать, какие-то определяющие черты его поэзии. Суть в том, что в ней чаще всего воплощена боль, смятение души, прощание с чем-то дорогим и нужным, недолговечность земного бытия. Согласитесь, что это чувства пограничных состояний, не часто свойственных в обычной жизни.

А давайте читать Сергея Чухина, выделяя основные черты его поэзии, не особо сейчас удаляясь в частности впечатлений, чтобы не запутать общее восприятие его стихов!

*Не захочешь ни ада, ни рая,
А холицовых
Во ржи
Васильков.*

Отметим сразу это - "ни ада, ни рая"! То есть пограничности бытия поэту не нужны. И оказывается, что С.Чухин принимает все, что связано только с жизнью, что ее разнообразит, делает простой и ясной. Такое мировидение поначалу ошеломляет. Очевидно, что поэт сознательно очерчивает круг своего бытия, не стремясь выйти за его пределы. Он часто по сути спорит с Рубцовым, например, доказывая, что кроме чувства дороги или неустроенности в этой жизни, для русского человека не менее характерна определенность бытия, устойчивость и предсказуемость земного сосуществования, обжитость в родном краю.

*Солнцем обогреты все былинки.
На земле такая благодать,
Что поэты, отложив былинны,
Начинают лирику писать...*

Тут ведь кроме конкретности образа весны, есть особый взгляд поэта вообще на бытование в родной стороне. "На земле такая благодать"! И все, больше говорить ничего не надо. Мы должны почувство-

вать состояние мирного *покоя*, о котором сейчас приходится только грезить.

И многими своими стихотворениями Сергей Чухин утверждает такое мировидение. В них-то чаще всего он и поднимается к вершинам истинного поэтического мастерства. И тут мы увидим, что его стихи созданы по всем канонам русской поэзии, которые ныне пытаются безуспешно разрушать. А традиция тем и жизненна, что требует творческого воспроизведения на новом витке развития. У Чухина, например, очевидна "школа" Афанасия Фета, у которого не так много продолжателей было в 20-м веке. С.Чухин вел эту традицию уверенно и постоянно. Вслушайтесь, вчитайтесь:

*О чудо, с легкостью какою
Закладывают выражи
Над вечернею рекою
Сиюминутные стрижи!
И только этой стае быстрой
В одно мгновение дано
Соединить свой берег мгlistый
Со светлым берегом в одно...*

Может быть, поэт и нам теперь помогает соединить звенья цепи, где между прошлым - через настоящее - приоткрывается нам будущее? "К зырянам Тютчев не придет..."? Но ведь пришел же, как, впрочем, и сам Афанасий Фет, сомневающийся в этом! И нам не стоит сегодня забывать, что поэзия Сергея Чухина - часть огромного половодья русской поэзии, которое и ныне разливается по всей Руси. И пусть его сейчас читают (или перечитывают) немногие, чтобы в свое время снова сказать о нем для всех. В этом смысле может сбыться и пророчество А.Романова...

ГОРИТ ЕГО ЗВЕЗДА

(О книге стихов А.Шадринова)

Шли дни, недели, а я все не мог до конца прочесть “Далекий плач” Алексея Шадринова. Не хотелось обмануться, разочароваться... и никак не удавалось представить такую очевидность: своей книги автор не увидел и не увидит уже никогда. Хотя ему было только 19! И опять вот так страшно подтвердилось, что быть русским поэтом - (даже не быть, а только родиться, чувствовать себя им) - это жертвенный крест, горькая судьба. Алеша Шадринов завершил свою очень короткую жизнь, как многие, многие русские поэты, то есть задолго до отмеренного срока. Ряд этот, к горькому сожалению, такой бесконечный.

Наверное, мы смело поставили пока А.Шадринова в ряд поэтов. Нам еще предстоит доказать, что он обладал поэтическим голосом. А пока лишь штрихи его жизни. Он родился и вырос в небольшом, но глубоко историческом городе - Белозерске. Это край издавна поэтический. Отсюда начинали разбег Сергей Орлов и Сергей Викулов, а потом Леонид Беляев... Учился в 1-ой школе, очень рано стал рифмовать строки, но как это бывает, не сразу нашел свое признание. Хотя теперь очевидно, что у него было мироощущение поэта - оно проявляется рано.

Как все, но уже осознавая свой талант, он пошел на действительную службу. Попал в Красноярск. И все... Осталось тайной что случилось февральской ночью в той воинской части: был ли Алеша убит, сам ли затянул петлю, доведенный до отчаянья издевательствами тупиц в солдатской робе... Но домой его привезли, чтобы навечно упокоить на городском кладбище.

Осталось от него несколько тетрадей со стихами да пачка писем. И вот теперь - книга. Он так страстно мечтал о ней, грезил ночами, предаваясь вольным мыслям:

*Я мечтал увидеть
В голубом переплете,
На широком поле белого листа
Кровь мою и сердце
В огненном полете -
След моих терзаний
Строчки и креста.*

Издатели почти в точности выполнили просьбу поэта. Правда, вместо креста на ней появился светлый ангел, который уже никогда не опустится на землю.

Теперь о поэзии Алексея Шадринова. Порой даже берет сомнение, что многие из стихов, составивших “Далекий плач”, мог написать юноша, почти мальчик. Какой зрелостью чувств, настроений, размышлений сцементированы его стихи. А самое поразительное, что даже если обнаруживаешь следы влияний других поэтов, например, Есенина или Рубцова, то и за ними все отчетливей и отчетливей пробивался собственный голос молодого поэта.

Кто-то из известных критиков уже отмечал, что для истинного поэта всегда характерно чувство пути. Вот и у Алеша Шадринова это чувство было развито очень сильно. Его все время манит даль, дорога... И хотя она в пределах родного края, но это стремление куда-то идти, видеть все своими глазами, чтобы потом отобразить в стихах, выдает в Шадринове настоящего поэта. Уже в пятнадцать лет от пишет:

*Я пай-мальчиком не был.
Я дерзил и срывался.
Меж землей и небом,
Словно птица, метался.*

Или вот такое стихотворение, тоже наполненное предчувствиями дороги:

*Где я кончу свой путь?
На которой дороге?
На каком кругу
Неспокойной земли?
И увижу конец
Уж на самом пороге
Иль замечу его издали?..*

Чувство пути обычно связываются с духовными поисками в человеке. И поразительно, как рано Алеша Шадринов стал задумываться о том, что не все в этом мире так уж материально, но есть область духовного существования.

*Я восстал из уснувших, едва заплескало рассветом,
А над церковью Пасха, над кровельным цинком плыла.
Восславляем Христа! И кресты возглашают об этом
Сизым галочным роем. Туман несут кадила...*

Поэт, впрочем, жил не только радостью от того, что видел и чувствовал свою причастность к высшим силам. Он видит и следы разрушений прошедшей эпохи, которая усиленно выкорчевывала духовное сознание из русского народа. У Алеши есть стихотворение “Храм”, в котором лирический герой повествует о посещении поруганной святыни, разрушенной церкви, где сейчас живет только печальный ворон. Не выдерживает душа вида запустения, прохожий уходит прочь, постигая, впрочем, главное:

*Где под дождем слезился на горе
Поруганный, опустошенный храм,
Но - Божий.*

Такие открытия не приходят случайно. Нужен особый настрой души, распахнутость сердца. И очевидно, что Алеша такими свойствами характера обладал. Интересно, что это подтверждается и в воспоминаниях тех, кто знал его при жизни.

Сейчас невероятно трудно представить, как бы мог сложиться дальнейший путь молодого стихотворца. Заявка была сделана серьезная. Впрочем, гадать нет нужды. У Алексея Шадринова есть несколько стихотворений, которые рождены сильным талантом. И их запишут в святцы русской поэзии!

НАЗАД, К НАРОДУ!

(Из дневника критика)

Долгое житье в провинции. без наездов в белокаменную, а это уж проза бытование - пуст кошелек - наводит на грустные мысли. Отчетливо видишь, что пропасть между "столичной" литературой и читателем растет и углубляется. Нет, нельзя признать за правило, что русская словесность будет прирастать провинцией. В столицах есть круг писателей, которых читающий народ помнит и перечитывает. Но провинция ждет что-то другое.

Отчего тоска? Боль даже? А понимаешь, что из "новой" русской литературы уходит стержневая суть ее, легко и быстро отбрасываются традиции, предаются забвению лучшие имена. И совсем уж пропадает думушка о своем народе. Каким-то островком остается "Наш современник", где почаще печатаются Белов, Крупин, Солоухин, Распутин...

Но все-таки чаще на виду народные "заступнички", вроде Евг.Евтушенко, его новая поэма "Тринадцать" сделана в лучших традициях "шестидесятников", которых никогда не интересовал сам народ, но всегда хотелось побыть в роли борца "за его права".

Евтушенко и раньше русский народ за толпу бездумную держал. Но в "Тринадцати" совсем превзошел себя. По его виденью, народ - лишь машина для голосования, каждый из нас - игрушка в руках политиков. Они - то твердо знают куда нас вести, а мы - неразумные - еще и сопротивляемся. Единственно хорошо, что в провинции эту поэму мало кто прочитал. И канет "Тринадцать" в пучину забвения быстрее, чем писалась. Туда и дорога.

А когда читалась эта дребедень, то почему вспоминалось прекрасное стихотворение скромной русской поэтессы Лидии Тепловой. Я его часто перечитываю, и кажется мне, что ей народный стон от нынешней жизни удалось передать куда более значительно, умнее, тревожнее, чем это сделал самый большой "демократ" в нынешней литературе.

Да, глухарь я! Глухой! Посмейся!

Да, глухой я, когда пою.

Ты мне в голову, в голову целься,

Но не целься в глухарку мою!..

Впрочем, бей и ее, помолвишься,

Раз уж выбрал нас на убой.

Пусть хоть дети мои, не родившись,

Не унизятся перед тобой!

Нельзя не поразиться силе поэтического воплощения, если у поэта есть настоящая боль, понимание того, самого глубинного, народного чувства, которое всегда питает русскую душу. Никто и никогда поставить человека, обладающего народным мировоззрением, на колени не сможет. А Евг.Евтушенко никогда не понять, что народ чаще всего над политиками насмехается, не веря, что эти люди способны сделать для него что-нибудь полезное и необходимое.

Надо читать и других поэтов провинции. Они, живя среди своего народа, никогда не опустятся до того, чтобы унижить его недоверием, “бесовским” суждением о нем. Их сегодня не знает Москва, не знает чаще всего и Россия. Но время придет! Верю в это, что придет! И окажется, что в подполье от “демократуры” выпелась истинно национальная русская поэзия. Он обращен к тем, кто в смуте, в собственном забвении духовного начала своего народа - не видит выхода из сложившегося тупика. Кто, скрывшись за мнимым благополучием, отчего-то надеется, что можно удобно жить среди униженного и оскорбительного народа. Это все - иллюзии, самообман.

А главное - такие “заступники”, как Евг.Евтушенко русскому народу явно не нужны. Пусть он об этом знает!

“ПОСЛЕДНИЙ ПАРОХОД”

(Об одном стихотворении Н. Рубцова)

Письма Николая Рубцова к русскому поэту Александру Яшину очень подробны. Так пишут обыкновенно адресату, от которого ждут ценных, важных для жизни и творчества советов. К сожалению, многие письма Яшина к Рубцову не найдены. Тогда можно бы более определенно сказать, какого рода советы давал Яшин своему товарищу по поэтическому поприщу.

Из писем же Рубцова очевидно, что Яшин для него был больше, чем просто старший товарищ. Видимо, со стороны Рубцова это шло от того времени, когда Яшин принял заметное участие в судьбе поэта-змяляка, начинающего осваивать московские литературные круги. Александр Яковлевич - чуткий к подлинным талантам, похоже, почти сразу увидел в Рубцове незаурядного поэта русской национальной словесности.

Хорошо известен тот факт, что Николай Рубцов посвятил Яшину свое стихотворение “Осенние этюды”. Куда девалось это посвящение в книжных публикациях, пока не ясно. Может быть, это произвол редактора. Видимо, истину тут надо установить, чтобы соблюсти волю поэта.

Совсем другое дело со стихотворением “Последний пароход!”. Оно уже посвящено памяти А. Яшина, умершего от рака в 68-м году. И без такого посвящения, как представляется теряет всякий смысл.

“Последний пароход”, на наш взгляд, достаточно трудно отнести к лучшим стихам “позднего Рубцова. И это признается многими. Оно поэтично лишь по формальным признакам, но лишено все-таки многообразия смысловых оттенков, метафорической глубины, воплощения, композиционного своеобразия, какие есть в лучших стихах поэта. Вспомним его начало:

*...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным дремлющим угором...*

И отточие в начале строфы, и многоточие в конце - это пунктуация Рубцова. Поэт как бы начал с середины какую-то мысль, потом набросал знакомый пейзаж, но тут же и оставил его. Может быть, его не удовлетворила интонация, взятая для зачина: слишком уж торжественно, патетично что ли. Рубцов таких интонаций всегда избегал.

И он сразу переходит к конкретности, почти репортажу. Материалом для него служит вполне известный случай. Речь идет о поездке группы писателей-вологоджан по Волго-Балту в августе 67-го года. Отметим два образных ряда. В центре первого - "он", без упоминания имени. Он - "большой", "написавший столько мудрых книжек", "глазами грустными смеясь", "больной, скрывая свой недуг", "всерьез о чем-то говоря", "смотрел на нас, как на мальчишек"... Второй образный ряд намного проще. Он обозначен местоимением -"мы". А это все остальные, кто тогда плыл на теплоходе. А что делают "мы"? "Смеясь, ходили мы по пароходу" да "таскали окунишек". И все, пожалуй. Заметим, как мало сказано о "нас", но как много, подробно - о "нем".

Не будь посвящения к "Последнему пароходу", читателю пришлось бы угадывать: о ком, собственно, идет речь. Ясно, что это конкретное лицо, писатель или поэт. Но не будь посвящения - угадать его было бы трудно. Просто нужна была бы сноска, что в центре внимания Рубцова - Александр Яшин, русский советский поэт 30-х - 60-х годов.

Но очевиден и вопрос: отчего Рубцов не решился или не захотел написать стихотворение о своих личных переживаниях, вызванных смертью старшего товарища? Например, в стихотворении "Памяти Анциферова", Н. Рубцов своего "я" не скрывает. А тут "спрятался" за "мы"... Нельзя ведь представить, что ему показалось важным и нужным выразить общее чувство всех, кто знал Яшина. Это в сущности невозможное. А такой тонкий, яркий лирик, как Рубцов, конечно, это понимал еще глубже.

У большого поэта не бывает случайных недоговоренностей. И если Рубцов в данном случае поступил так, то на это причины. Какие? А вот это и есть загадка, которую предстоит понять...

УРОКИ ЖИЗНИ И ДОБРА

Однажды, выступая перед кружковцами “Яшинской рябинки”, писатель Вячеслав Белков справедливо заметил: “Я считаю, что вам очень повезло, что вам встретился такой учитель литературы. Мне, например, так не повезло. А это так важно, чтобы в начале жизни именно через литературу приходило осознание себя человеком...” Я слушал его, во всем соглашаясь, ибо эти слова относились и ко мне. А речь шла о Валентине Станиславовне Старковой, моем учителе русского языка и литературы.

О своем учителе надо, наверное, рассказывать очень осторожно и мудро. Как бы ни было, но разница в годах, в опыте жизни всегда должна ставить некую преграду в отношениях и признаниях. Например, чувство благодарности к своей матери это совсем иное, чем чувство благодарности к своему учителю.

Какие непоседы мы были! То было время нашей юности. Жизнь открывала сотни дорог, рождалась в муках и сомнениях первая любовь, прочитывались, может быть, самые главные книги. Мечты, одна прекраснее другой, появлялись и звали за собой. Многим думалось, что можно все успеть, достичь вершин. Хотелось быть очень сильным.

В день моего шестнадцатилетия Валентина Станиславовна подарила мне сборник стихов Вл. Маяковского. В нем - открытка: “Андрею! Поздравляю тебя с шестнадцатилетием! Это удивительно и прекрасно, когда тебе только 16. Так много можно совершить. Только пусть не будут призрачны цели, главное: решил - и добейся, тогда будешь чувствовать себя сильнее, увереннее. Тебе нужно воспитать в себе целеустремленность, верность слову. В каждом деле доходить до сути. Дерзай! Руководитель литкружка В.Старкова.” Это было, наверное, самое нужное тогда слово.

И до сих пор во мне живет ощущение того внимания, та проникновенность в душу каждого ученика, которые есть в Валентине Станиславовне. Как она умела открывать в нас способности. Помню, в 1976 году кружок первый раз поехал в Москву, на встречу со Златой Константиновной Яшиной. Она пригласила нас в ЦДЛ. Мы сидели за столом, в углу фойе второго этажа. Когда москвичи (на встрече были поэтесса Д.Терещенко и писатель В.Крупин) стали расспрашивать нас, мы от волнения так и не сказали ни одного связанного слова. Валентина Станиславовна, понимая, видимо, наше состояние, начала просто представлять нас:

- Вот Коля. Он неплохо рисует. Лиля пишет стихи. А Наташа - очень справедливая. А этот мальчик - очень добрый и любознательный...

И мы - кружковцы - давно знающие друг друга, с интересом следили за ее словами и характеристиками. И каждый думал: как это справедливо и точно. Беседа приняла оживленный характер. И теперь уже Валентина Станиславовна с нескрываемым интересом (а, возможно, и тайной гордостью) смотрела на нас, как бы говоря: "Ну, что же вы? Покажите, какие вы есть на самом деле!.." и мы старались как могли.

Учила ли она нас пониманию литературы? Конечно! Как тонко умела подвести к пониманию ценностей истинных, достойных внимания. И делала это самым неожиданным образом.

Мы были в первый раз на Бобришном угоре. Был конец февраля. Лес лежал в глубоком снегу. До домика поэта мы добирались в санях, которые с трудом тащила старая лошадь. Это было сказочное путешествие. С нами - сестра поэта. Она рассказывала:

- Дом был построен очень быстро. Яшину помогали местные колхозники. В доме все, как при жизни Александра Яковлевича. Вот стол, который сделал Василий Белов. Эти травы собирал сам Яшин.

Потом мы прямо на снегу развели костерок памяти. Так просила мать Яшина. Мы стояли замороженные. Тишина. И вдруг Валентина Станиславовна, своим густым, теплым голосом, потеряв свои запотевшие очки без оправы и оглядев нас, начала читать:

*...Мы сразу стали тише и взрослей.
Одно поют своим согласным хором
И темный лес, и стаи журавлей
Над тем Бобришным, дремлющим угором...*

Это не Яшин, это стихотворение Николая Рубцова "Последний пароход", посвященное памяти Яшина, и как будто сердце обожгло, и какими прекрасными показались строки, произнесенные как раз вовремя. Наверное, именно в такие минуты понимаешь силу поэтического слова. И это запечатлется надолго.

В то время я увлекался фотоделом. И Валентина Станиславовна попросила заснять нашу поездку на пленку. Я старался, но когда стали ее проявлять в Никольске, оказалось, что пленка испорчена, не получилось практически ни кадра. Ребята были в унынии - так хотелось оставить память о поездке на родину Яшина. Сидим в Доме колхозника, молчим... И вот Валентина Станиславовна начала рассказывать:

- Я недавно читала у одного известного журналиста о том, что ее послали из редакции снять приезд Гагарина. Журналистка с Гагариным встретилась, сфотографировала его, а когда приехала в редакцию, получился только один кадр. Так что у всех бывают неудачи, и не надо вешать носа.

И это был нам урок: любая неудача товарища не должна восприниматься, как трагедия. Она не стоит того, чтобы неудачника вычеркивать из своих рядов. И тогда это все поняли и никогда не вспоминали мне этого случая. А Валентина Станиславовна, выяснив, что это была моя небрежность, сделала потом суровый выговор, но это было справедливо, а поэтому не очень обидно...

Ах, как летят годы! Сколько хорошего и плохого пережито уже. И чаще всего Валентина Станиславовна в курсе наших дел. И мы по-прежнему чувствуем ее внимательный взгляд. И никогда уже не забудутся ее уроки литературы, жизни и добра, и все чаще и чаще думаешь о том, что как нам всем повезло, что встретились, вела по этой сумбурной, сложной жизни наш учитель!

“Я ДУМАЛ, СЕРДЦЕ ПОЗАБЫЛО...”

(Размышления после поэтического вечера)

Вот уверен, что многим строка, вынесенная в заголовок, покажется знакомой. И ведь захотят угадать: да кто ее написал? Ну и кто? И не Добронравов вовсе, хотя у него есть что-то очень близкое. Пушкин это, Александр Сергеевич.

А вспомнилась она неслучайно. В тот день в Вологде проводилось действо совсем уж не рядовое для наших дней - большая поэтическая встреча “Пушкин и мы”. Но идя на нее, спрашивал себя: “А вдруг никто не придет? А устроители не рассчитали, что русское сердце забывает ныне, может быть, что-то сущее в своем естестве, что не только поэтическим словом Пушкина выражено, но и многими нашими поэтами?” И сомнения, согласитесь, имсют почву. Время смуты не предполагает душевного спокойствия, необходимого для чуткого общения с поэзией.

Какне-то сомнения развеялись сразу - слушатели пришли. И пусть не битком зал, как бывало еще не так давно на поэтических вечерах в Вологде, но и не количество было важно. Есть и в Вологде, значит, те, кого магическое, кодовое слово для русской души - Пушкин! - способно оторвать от забот насушных, обыденных.

Но и тут вопросы оставались. Пушкин... и мы! Как широко, необъятно это видится, чувствуется. Ведь сказал же Достоевский: “Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собой в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем”. Замечу, что и сейчас едва ли к открытию ее полному приблизились.

А Василий Розанов что говорил? “Скажем так: о “Пушкине вообще” - нечего более говорить и не нужно более говорить; “Пушкин вообще” так исчерпан, выговорен, обдуман, что на этих путях даже очень остроумный критик будет выпадать только в болтовню. Нельзя собирать сто первого зерна ни с какого колоса. Но если формулы, характеристики, очерки “вообще” - не нужны, то наступает настоящее время для “Пушкина в подробностях”. Крошечные его пьесы суть частоты мира прелестного и глубокого...”

Может быть, Розанов далеко не во всем прав. Но очевидная трудность темы должна насторожить любого, кто предпринимает попытку еще раз говорить об Александре Сергеевиче, не пытаясь повторять общезвестное.

Василий Иванович Белов задал тон всему вечеру.

-Поговорим о Пушкине. Об Александре Сергеевиче. У меня любимых стихов Пушкина много. У него все звучит современно. И только на первый взгляд просто. Я встретился с Пушкиным “Песней о вешнем Олеге”. До сих пор наизусть помню. Естественно, тогда узнал и “Во глубине сибирских руд...” Мир пушкинский необъятный! Вот, например:

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя -
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды ...
Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремящими да бич.*

Об этом стихотворении можно говорить целую ночь. Русский народ считает недостойным свободы. Но это стихотворение посвящено европейцам, а не русским. Я уже писал, что в России идет новая отечественная война. Мы ее пока проигрываем...

Василий Белов, как наш современник, разгадывая свою тайну в Пушкине, не мог, конечно, обойти дней сегодняшних. И если он нашел у великого поэта строки, объясняющие то, что происходит с Россией, ее народом, то это плод его долгих раздумий над стихами Пушкина. И В.И.Белов отметил дальше, что Александр Сергеевич призывал свой народ к мужеству, к стойкости в любых испытаниях. Он верил, что “скроется тьма”. И это его урок нам!

Начало было положено. И уже все, кто выходил на сцену “Русского дома” в этот вечер, пытались преломить наше время в стихах Пушкина. И оказалось, что даже “соседство” стихов гения рядом со стихами наших современников вполне логично, даже завершено.

Конечно, речи нет о каком-то сравнении Пушкина и стихов поэтов-вологжан. Вершина Пушкина остается недосягаемой и поныне. Но перепад высот, видимо, должен быть не только на местности, но и в поэзии.

Нет, нужны какие-то итоги! А ведь удачно все получилось. Необходимость возвращения к стихам Пушкина, наверное, почувствовали многие. И этого сердце позабыть не может. Но главное: духоподъемность великой поэзии была настолько ощутима, что еще обязательно отзовется в каждом. Очевидно, что без имени Пушкина не обойтись! “Он дал нам возможность, - как писал Иван Ильин, - и основание, и право верить в призвание и в творческую силу нашей родины, благословлять ее на всех путях и прозревать ее светлое будущее, - какие бы еще страдания, лишения или унижения ни выпали на долю русского народа. “ В этом святая правда, в этом наша сила! И Александр Сергеевич Пушкин тоже с нами!

ПУТЬ К СЛОВУ

Юрию Максину

В тот январский день работал я в уютном кабинете своего друга. В его новой квартире, еще с запахами свежей покраски, было тихо, покойно. Все ушли по своим делам. Но одиночество не давило, работалось хорошо и спокойно. Передо мной лежали типографские оттиски новой книги стихов товарища. А мне предстояло написать к ней предисловие.

Теперь-то знаю: быть первым читателем будущей книги не только ответственно, но и как-то неловко. Это словно чужая тайна, ставшая вдруг тебе известной. Но многие стихи друга показались мне удачными, сразу ложились на душу. Замысел почти каждого виделся отчетливо, а воплощение его в словах не вызвало больших возражений. Яркое, свежее впечатление от стихов томило, требовало выхода в словесных формулировках. Но не начиналось...

Размышляя, встал я из-за стола, прошелся по комнате, подошел к окну. А по Устюжке разметалась вьюга, засыпая улицу, деревья, стадион напротив дома, редких прохожих, которые прятали лица в воротники. Порывы ветра швыряли в стекла окна горсти белой крупы, они тихонько позвенькивали, как китайский колокольчик. И этот звук тревожил, бередил душу. Становилось не по себе, хотелось куда-нибудь пойти, отыскать друзей-товарищей, чтобы в их теплом кругу переждать непогоду. Но я без сожаления задернул штору, снова сел за стол, уютно освещаемый лампой, снова пододвинул к себе листы белой бумаги и ручку.

“Да нужна ли нынче поэзия? - выводило перо. - Выбалтывается это случайно, произносится ли вполне сознательно, но странный этот вопрос витает чаще, чем есть в нем необходимость. А, правда, нужна ли? Ведь шепчет кто-то на ушко: чего еще говорить? Все сказано. Выжить бы, выжить! В какой уж раз несется это над Русью! И все как будто согласны.

Но - выживать - для чего? Если душа пуста, добродетель растоптана, молодость бездумна, а старость - обуза, если в сердце с таким трудом уживается слово Божье, то кто-то должен оглядываться вокруг, сказать свое слово, чтобы душа не томилась в одиночестве и смятении. И кто - как не поэт? Нет, поэзия и ныне (а может быть, именно сейчас!) - нужнее всего для русского сердца.”

Вьюга подвывала все сильнее, сильнее. Вдруг погасла лампа на столе, в комнате стало сумрачно. Это отвлекло от работы, но не от раздумий. Я стал думать о своих товарищах, которые пишут стихи. Ах, как много их! Даже не очень верится, что в одной области столько талантливых и красивых поэтов: Владимир Кудрявцев, Александр Швецов, Василий Мишенев (а у него за месяц до этого дня гостил в Никольске, и как тепло отозвалась сейчас в душе встреча с ним), Владислав Кокорин, Александр Пошехонов, Василий Ситников, Леша Швецов, Саша Алексеев, Сергей Ладухин, Борис Гуляев, Лидия Теплова, Инга Чурбанова... А сколько еще тех, кого не знаю лично, но знают мои друзья, кого лишь читал в последние годы! И все ищут свой путь к Слову, еще надеясь поведать миру что-то такое, чего никто не познал или не увидел до них!

Но что движет каждым из них? Они все такие разные, что собравшись вместе, едва ли найдут общий язык. И только стихи могут их объединить на время. И что это такая за цель в жизни - писать стихи? То есть, целей у каждого много, но именно в поэзии они находят или не находят смысл всего. И еще гнетут заботы дня сегодняшнего или будущего. Стихами нынче не проживешь - хлеб на столе должен быть каждый день. Но спроси каждого из них: вот если бы был выбор - писать стихи или получить что-то взамен с отказом от стихотворчества? - то ведь снова почти все выберут стихи. И все ведь знают в той или иной мере, что поэзия - не развлечение в минуты досуга, не игра словами или забава праздного ума!

Стал я тут вспоминать, как в мою жизнь врывались поэты и поэзия. Очень хорошо отпечаталось, как узналось имя - Николай Рубцов. Был почти такой же январский день 71-го года. Оживленно* рязской ватагой шестиклассников мы возвращались из школы по джмам. (Я учился в 8-й школе Вологды). Перейдя деревянный, шаткий мостик через Золотуху, почти сразу увидели группу людей у Дома художников. Автобус с черной полосой стоял посреди улицы, а это было не привычно... И примолкли мы, ожидая, что будет дальше. Вот двери распахнули настежь, хмурые мужчины вынесли длинный ящик, который занесли в автобус. Мы еще не знали по-настоящему, что такое смерть, наверное, боясь покойников, помня всякие страшные истории про них. Поэтому не подошли поближе, а так и стояли в отдалении, даже не сняв шапки...

И только придя домой, прочитал в "Вологодском комсомольце" имя того, кого только что, еще часа не прошло, бережно вынесли из Дома художников. Имя запомнилось как-то сразу, видимо, под впечатлением увиденного. Но только через много-много лет (у меня, во вся-

ком случае) появилось сожаление, что не смогли мы в тот день преодолеть свою боязливость... Эх, знать бы тогда, что мог бы попрощаться с человеком, который потом станет очень близок, чьи строчки вспыхивают в памяти так часто, будто написаны самим тобой.

Загорелась настольная лампа - дали, похоже, электричество. Надо было писать дальше, но и воспоминания пока не отступали.

Мысленно перенесаясь в родную Вологду, я как бы вновь оказался в том теплом, но дождливом майском вечере 80-го года. И снова увидел наяву странного, еще молодого, человека рядом с автобусной остановкой в центре. Он, казалось, никого не видел вокруг себя. И никуда не спешил. Он бормотал стихи. Что-то подтолкнуло к нему. Показалось, что ему нужна помощь. А незнакомец словно ждал этого. Он протянул руку первым, и очень отчетливо произнес:

- Николай Фокин. Поэт!

И пошли мы с Колей - до этой минуты незнакомы вовсе - куда глаза глядят. Но оказалось почему-то в Тепличном, где у Колиного друга - тоже поэта! - в этот вечер должна быть свадьба. Но пришли-то мы во втором часу ночи, в квартире друга (это был Валерий Ельтипифоров) уже все спали. А душа требовала общения, она хотела слов. Мы, конечно, подняли всех на ноги, Валерий вынес бутылку водки, а потом, пошептавшись с молодой женой, пошел нас провожать. Все это было как-то необычно, но я понимал, что и люди это тоже необычные - поэты!

Еще через час приплелись мы в Октябрьский поселок, Валерий, выпив стопку-другую, ушел, а мы с Колей в его нетопленной комнатке, соединяя прозу и стихи, всю ночь проговорили о том, как ему... жить дальше! Ибо жена от него ушла, с работы пришлось уйти самому, денег нет, а стихи так редко печатают в наших газетах. Иногда Колоня всхлипывал, как ребенок, иногда принимался читать стихи.

*Надежней, душа,
Утверждайся на воле -
Сорвемся -
Никто не поможет нам боле...*

Ночь пролетела, мне нужно было идти на работу. Коля вышел проводить до калитки...

Мы встретились потом через несколько лет. И сразу узнали друг друга. Николай жил уже в Нюксенице, говорили, что у него жена - красавица, что работает в доме культуры. Он позвал меня в гости, я, как водится, обещал, все надеясь, что обещание исполню. Но встреча-

лись мы в Вологде, в его короткие наезды. И всегда вспоминали нашу первую встречу. Нет, он был - поэт! Сужу даже не по стихам, которые часто воспринимал как-то двойственно, ибо казалось, что когда Фокин пишет стихи... за его спиной стоит еще кто-то и нашептывает ему строки.

При встречах он часто с грустью говорил, что до сих пор не может подарить своей книги. Но, наверное, за месяц до своей смерти - он появился в моем кабинете в редакции "Русского Севера", достал свой "Посошок", а потом как-то стеснительно, но твердо предложил купить за две, помнится, тысячи. По его лицу было видно, что деньги ему очень нужны. Но у меня не было, идти искать не хотелось. И Коля ушел унылый и потерянный. Больше я не увижу его никогда, а его "Посошка" у меня до сих пор и нет...

Был второй час дня. Мой товарищ пришел на обед, а я все не мог закончить свою работу. Он с каким-то недоумением посмотрел на это дело, только и сказал. "Я в типографии обещал, что после обеда принесу. Они тоже торопятся..."

Мне стало стыдно. Я снова принялся за работу. Перечитывая гранки, вдруг обратил внимание на одно стихотворение, которое раньше не отметил:

*И звезда не случайно упала.
Поздно понял я жизни закон.
Самых лучших душа выбирала,
Заполняя судьбы небосклон.
Только лучшие - ярко сгорали,
А мерцали на небе моем
Те, что душу
За грош продавали,
Черным крася ее оком.*

"Ах, друг! Как все это верно, - думалось мне. - Как все это близко, понятно моей душе. Но как, чем же вылечить свою душу, как снова стать невинным, как ангелочек, чтобы поменьше мучила совесть, не болело бы сердце, не стыдно было бы смотреть в глаза сына или друга? Ничего не проходит без следа!"

*К самым лучшим
душа устремилась,
ободрав оперенье в кольце.*

*Я восстал из духовной могилы,
но остались следы на лице...*

И перо само выводило на бумаге: “И весомость таких открытий тем более значительна, что они находят естественную форму воплощения - стихи! Вот куда мы пришли! Да опять к тому же: нужна ли поэзия? Но пусть вас это вопрос больше не тревожит. Ответ найдется сам собой”.

Работа была закончена. Я вышел из дома, чтобы идти в редакцию, где ждал меня мой друг. Вьюга поутихла, но снега навалило чуть ли не по колено. Он был чист и свеж, как недавно лист бумаги на столе. Я пошел, оставляя глубокие следы. На душе было легко и ясно... А ведь я тоже преодолел свой путь к слову!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
1. Этюды о писателях	4
Память души (<i>Вячеслав Белков</i>)	6
Словно тайна сокрыта (<i>Владислав Кокорин</i>)	15
Встречи и расставания (<i>Виктор Плотников</i>)	20
Только тихое что-то поют... (<i>Михаил Карачев</i>)	22
С любовью к родной стороне (<i>Мануил Свистунов</i>)	26
Иного выбрать я не мог... (<i>Василий Мишенев</i>)	29
Чего душа забыть не может (<i>Владимир Кудрявцев</i>)	32
Мир северной деревни (<i>Василий Елесин</i>)	35
Вечность не знает разлук (<i>Михаил Сопин</i>)	38
2. Путь к слову	43
Вглядываясь в жизнь (" <i>Малая</i> " проза писателей-вологжан)	45
Средь недописанных строчек...	49
Горит его звезда (<i>О книге стихов А.Шадринова</i>)	53
Назад, к народу! (<i>Из дневника критика</i>)	56
"Последний пароход" (<i>Об одном стихотворении Н.Рубцова</i>)	58
Уроки жизни и добра	60
"Я думал, сердце позабыло..."	
(<i>Размышления после поэтического вечера</i>)	63
Путь к слову	66

Андрей Петрович Смолин

У каждого свой путь и берег

Книга критики

Художник Н.Черкасова
Техн. редактор Ю.Малозёмов

Вологда
«Евстолий»
1999

